

Андрей Михайлович Дышев

Я бриллианты меряю горстями

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161844
Я бриллианты меряю горстями: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24325-9*

Аннотация

У вас угнали автомобиль? Идите в милицию. А если вы по натуре экстремал, любитель риска и скоростей, то загляните в ближайшую автомастерскую. Возможно, ваш автомобиль там. Но о том, какой головокружительный путь проделывает угнанный автомобиль и сколько агрессивных мерзких типов сопровождают его по криминальному пути, лучше узнать из этой книги. Так будет лучше для ваших нервов. Да и для вашей жизни тоже...

Ранее выходила под названием «Железная маска».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Дышев

Я бриллианты меряю горстями

Глава 1

– Наверное, «Мерседес» угнали, – сказал Влас, включая поворотник и притормаживая у поста ГАИ.

– Или у инспекторов получку задержали, – предположила Дина. – Это уже в четвертый раз?

– В двадцать четвертый! – буркнул Влас и потянулся к заднему сиденью, на котором лежала кожаная папка с документами. – Никакие нервы не выдержат!

Дина смотрела, как Влас начинает неудержимо трясти головой снизу вверх, словно он пытался без помощи рук закинуть наверх челку. «ГАИ тут ни при чем, – подумала девушка. – Тебе лечиться надо. Пока молодой – головой трясешь. А потом весь вибрировать начнешь как массажер, ни рюмку взять, ни в носу поковырять...»

Она опустила на глаза темные очки с маленькими круглыми линзами. Очки были замечательные – ни бликов, ни искажений. Глаза просто выползали из орбит от удовольствия смотреть на мир. Дорогая вещь, и все-таки в Берлине, на рынке Вилденплатц, очки обошлись почти вдвое дешевле, чем если бы она купила их в переходе на «Пушке».

Дина посмотрела на голубую «стекляшку» ГАИ. Влас так и не научился вести себя соответственно марке автомобиля, за рулем которого находился. Эх, ей бы родиться мужчиной, она бы продемонстрировала манеры хорошего тона! Ну кто так выходит из «шестисотого»? Плечи опустил, семенит к инспектору на полусогнутых, головой трясет. Это мастер автомобильного спорта, призер чемпионата России девяносто второго года, изрядно покалеченный и едва не ушедший на тот свет в последней своей гонке!

Она нажала на кнопку, вмонтированную в подлокотник. Спинка кресла стала плавно опускаться. Анатомическое сиденье точно подстроилось под рельеф тела Дины. Девушка полулежа искоса смотрела в окно. Инспектор проверял документы, внимательно вчитывался в купчую, в паспорт технического состояния, дважды обошел вокруг машины, попросил открыть багажник. Эти процедуры повторялись со строгим постоянством на всем протяжении пути от Бреста. Сначала просмотр документов, затем прогулка вокруг автомобиля и на десерт – проверка на угон.

– Надо проверить на угон, – сказал инспектор.

Пультом дистанционного управления Дина включила магнитолу и прикрыла глаза. Она хотела казаться себе человеком с железными нервами, умеющим владеть собой в самые напряженные мгновения. От Смоленска до Вязьмы они неслись со скоростью двести километров в час. Казалось, машина продолжала стоять на месте, лишь мягко покачивалась на рессорах, а мимо них, по обе стороны от дороги, со страшной скоростью проносился белый забор из березовых стволов. Попутные машины с коротким свистом отскакивали назад. Встречные проносились мимо, как снаряды. Несколько насекомых, попав в лобовое стекло, превратились в мутные пятна. Влас попытался снять их стеклоомывателем, но ветер был столь велик, что даже тугие струи, выходящие из опрыскивателя с силой в несколько атмосфер, превращались в веер брызг и доставали лишь до нижней кромки стекла.

Она доверяла Власу, когда он был за рулем, на все сто. Как всякий водитель, пребывающий в роли пассажира, она внимательно следила за дорогой, невольно читая дорожные знаки, но в мгновения опасных обгонов и крутых маневров не вздрагивала, не хваталась руками за панель и не дергала ногой, отыскивая несуществующую педаль тормоза, пол-

ностью доверяя Власу. Но на этом ее доверие к нему исчерпывалось. Бог за рулем, Влас вне машины становился маленьким, затравленным человечком, на генетическом уровне боящимся гаишников и милиции. Перед человеком в форме он вел себя столь унижительно, что Дина надевала очки и закрывала глаза, чтобы не видеть его сутулых плеч и дергающейся головы. «В последний раз еду с ним!» – в который раз клялась она.

Инспектор и Влас вышли из «стекляшки». Влас не скрывал своего счастья, и от его широкой улыбки, которой позавидовал бы Буратино, Дину передернуло.

– Счастливого пути! – сказал инспектор, прикладывая ладонь к козырьку.

Дина поняла его по губам. Влас, скованно и неестественно двигаясь, открыл дверь, сел за руль и вставил ключ в гнездо. До тех пор, пока машина не тронулась, Дина смотрела на внимательные темные глаза гаишника с цепким взглядом и думала о том, что он обязательно запомнит Власа по его огромному рту и дергающейся голове. Значит, находиться рядом с Власом – все равно что плавать рядом с тонущим. Рано или поздно он потащит за собой в глубину любого, кто попадется ему под руку.

* * *

Макс был похож на хирурга. Только не хватало резиновых перчаток и марлевой повязки на лице. Высокий лоб, переходящий в залысину, не по годам обширную, был покрыт крупными каплями пота и в скудном свете аварийного фонарика отливал полированной бронзой.

– Что тебе рассказать о женщинах, юноша? – говорил Макс, низко склонившись над двигателем и ковыряя длинным жалом отвертки в его недрах. – Это вранье, что мы больше всего ценим тех, за которых пришлось бороться. Такие создают слишком много проблем. Звонит мне как-то в дверь соседка. Волосы распущены, халат такой... в общем, я так и не понял, зачем она его вообще надела. Можешь думать обо мне что хочешь, говорит...

Приврать Макс любил. Но если и был лжецом, то не воинствующим. То есть он никогда не спорил и не убеждал. К своему собеседнику относился просто: хочешь – верь, хочешь – нет. Вытащив из кармана голубую пачку «Блэнда» и не найдя в ней сигареты, он разочарованно вздохнул и бросил ее под ноги.

– Ключ на четырнадцать подай, пожалуйста! – попросил он, вновь склонившись над капотом.

Осталось всего ничего – затянуть последние гайки и насадить шланги на патрубки. Финишная прямая. Макс любил собственноручно заканчивать многодневный и сложный ремонт и своего помощника Геру к финальной работе не допускал. Крепко побитую «девятку» в мастерскую притащили на буксире неделю назад. Она была похожа на гофрированный шланг для пылесоса. В какой-то фирме был банкет, и один из сотрудников в разгар веселья сел за руль и стал кружиться по двору. На пятом или шестом витке «девятка» сошла с орбиты и впечаталась в бетонную стену.

– Завтра у моей кошки день рождения, – сказал Гера. – Три года. Поляну накрывать?

Макс любил своего помощника за то, что его жизнь всегда была наполнена событиями. Он вообще любил жизнерадостных людей, праздники, юбилеи, торжества, шум за столом, когда никто никого не слушает и все говорят одновременно, любил дым сигарет, засохшие салаты, шпроты из банки, порезанную на дольки луковицу и немолодых разведенных женщин, работающих в сфере торговли. Гера знал об этих слабостях Макса и при любом удобном случае старался найти повод угодить ему. Наверное, в нем сидело непреходящее чувство благодарности к Максиму за то, что полгода назад он уговорил хозяина взять Геру на работу в мастерскую.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Макс, морща лоб и невольно представляя уже разложенную снедь и приветливые лица продавщиц.

Он бережно опустил капот и надавил на него ладонью. Клацнул замок. Макс поднял голову и посмотрел на Геру. Его рыжие волосы налипли на вспотевший лоб. Маленькие глазки, обрамленные белесыми ресницами, были невыразительны. Макс их стеснялся и при любом удобном случае надевал непроницаемо-черные очки.

— Черт с тобой, — с напускным равнодушием сказал он, отворачиваясь от Геры. — Накрывай поляну... Только не раньше шести. Когда спадет жара, тогда и начнем.

* * *

Назарова стояла посреди комнаты, заставленной то ли бесформенными истуканами, то ли кривляющимися привидениями, то ли сырыми скульптурами, закрытыми мешковиной. Отставив руку, она держала зажженную сигарету, словно это был фимиам и ей хотелось, чтобы комната пропиталась сладковатым запахом дорогого табака. Пепел под собственной тяжестью падал на ламинированный паркет. Назарова обошла зачехленное кресло. Сощурившись, она склонила голову набок. Кресло напоминало ей палатку из туристского лагеря в Карпатах, куда в юности она ездила каждое лето. Маленький брезентовый домик с остроугольной провисшей крышей, где вход зашнуровывался веревкой, как ботинок. Внутри было тесно, но уютно. На холодном и бугристом полу ночью умещалось пять-шесть девчонок. Было страшно и весело. Мальчишки из соседних палаток всю ночь пугали — скребли ногтями по крыше и гладили все теплое, что округло выпирало из брезентовых стен.

Там же, в лагере, она встретила своего будущего мужа. Он был не таким, как остальные парни, — не скреб ногтями палатку и не гладил округлости. Он рассказывал ей о своем отце-академике и маленькой, затерявшейся где-то в Пиренеях стране Андорре, куда ездил в минувшее лето вместе с отцом.

Она влюбилась в него, как идиотка. Ее восхищало в нем все то, что отличало от глупых и похотливых пацанов: его холодная сдержанность, подчеркнутое безразличие к женщинам, его интеллект, остроумие и тонкий вкус потомственного интеллигента.

Они спали в разных постелях. Он ложился поздно и вставал рано. Он делал карьеру, а Назарова плугом шла перед ним, взрыхляя почву. Она слышала, как его знакомые нашептывали друг другу грязные сплетни, но они лишь рождали в ее душе всплеск гордости: он не такой, как все, он выше всех, он чище всех. Назарову не обижало его нескрываемое отращивание к ее белью, которое она вывешивала на балконе для просушки, к груше для спринцевания, которая хранилась в шкафчике в ванной, к ночной рубашке, к ночным кремам, ко всему тому, что в его понимании было так или иначе связано с плотскими пороками. В дни, когда она покупала прокладки, он уходил из дома и ночевал у друзей, а она легко терпела его непохожесть как проявление детской неосведомленности, чистоты помыслов и монашеской святости.

Она ухаживала за его престарелым отцом, она тащила на себе все бремя домашнего хозяйства, когда он учился в аспирантуре, когда защищал кандидатскую, потом докторскую, когда месяцами пропадал в заграникомандировках. Она, не ведая ни усталости, ни отдыха, вила их семейное гнездо, наполняя его светлым ожиданием тихого счастья.

А потом ей исполнилось тридцать пять, и дорога светлой надежды и ожидания вдруг закончилась темным и сырым тупиком. Она вдруг поняла, что все прошедшие годы у нее не было ни семьи, ни мужчины; у нее нет детей и уже вряд ли когда будут. «Господи! — думала Назарова, посмотрев вокруг себя другими глазами. — Где я была раньше?» Жизнь вне семейного гнездышка оказалась прекрасной, но уходила стремительно, как песок из песочных часов. И она схватилась за нее, как за дефицитный товар, выстояв очередь в полтора десятка лет.

«У меня есть мужчина», – сказала она как-то мужу и вся напряглась в ожидании истерики, слез, упреков. Но муж улыбнулся и ответил: «У меня тоже».

Он взял от жизни все и потому мог улыбаться без напряжения. «Давай обойдемся без громкого и скандального развода, – попросил он. – Мне нужно еще полгода. Я куплю тебе квартиру в центре Москвы, мебель и машину».

Он выполнил свое обещание с той легкостью, с какой богатый человек дает подаяние нищему. Он улыбался, говорил комплименты и прекрасно выглядел. «Что это? Зачем это? – думала Назарова, глядя на пустые стены комнаты, на зачехленную мебель и свое отражение в большом инкрустированном трюмо. – Он украл у меня молодые годы – самое дорогое, что вообще может быть у женщины. Он их сожрал и переварил. И пятнадцать лет прожил за мой счет».

* * *

Воркун не ожидал, что воришки сработают так быстро. Только вчера утром он сообщил им марку, номер, цвет машины и возможные места ее парковки, как уже сегодня в обед ему позвонили на мобильный:

– Гоним товар. Принимай у себя.

К этому времени он успел отъехать от мастерской километров на десять, уже миновал Костино, откуда по трассе до дома рукой подать, но пришлось разворачиваться и мчаться назад. Чем ближе он подъезжал к мастерской, где ему предстояло принять ворованную машину, тем сильнее дрожали его руки, и казалось, в животе рассасываются внутренности, образуя полое пространство. Он давил на газ и мысленно, как молитву, повторял слова алиби, будто уже сидел напротив следователя и давал показания: «Машину пригнали для замены масла и масляного фильтра. Когда я попросил хозяина представить мне регистрационное свидетельство, он сказал, что забыл его дома. Машину я поставил в ремонтный цех над смотровой ямой. Никаких следов взлома замков я не обнаружил, как и других признаков, указывающих на то, что машина угнана».

Воркун вытер со лба пот и еще ниже опустил боковое стекло. Заказчик на эту машину оказался щедрым. Воркун его в глаза не видел. Два дня назад он обнаружил у себя в кабинете объемный сверток с баксами и короткое письмо, отпечатанное на принтере: «AUDI-S6 PLUS, СЕДАН, КРАСНЫЙ ЦВЕТ, НОМЕРНОЙ ЗНАК В402ОС. ПАРКУЕТСЯ ПОСЛЕ 18.00 В БУДНИ У ЛЮБЕРЕЦКОГО АВТОРЫНКА, В ВЫХОДНЫЕ У КАЗИНО «БИЗОН», САУНЫ «ТРОПИК» И КОТТЕДЖНОГО ПОСЕЛКА «ГОРНЫЙ». СИГНАЛИЗАЦИЯ «BOSCH» ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ». И ни слова о том, чтобы перебить номера или перекрасить кузов. Работы никакой! Десять тысяч долларов заказчик передал в качестве аванса, пообещав еще столько же, когда машина будет стоять в мастерской. Из этих десяти воришкам придется отдать четыре, как было оговорено с ними заранее. «Может быть, они согласятся на три, – подумал Воркун. – А еще лучше на две тысячи. Надо еще посмотреть, в каком состоянии замки дверей и багажника. Если сработали грубо, тогда сам бог велел заплатить меньше».

«А зачем я вернулся? – разговаривал с виртуальным следователем Воркун. – Затем, что забыл ключи от квартиры в своем кабинете и спохватился, когда доехал до Костино. А почему меня не смутило, что такую дорогую машину пригнали в скромную мастерскую, если в семи километрах, на окраине Зареченска, есть прекрасный комбинат «Трэк-сервис», где берут в ремонт любые иномарки? А потому что в дороге случается всякое, а задавать подобные вопросы клиентам – себе в убыток».

Он почти успокоился и стал думать о том, как распорядится деньгами. Конечно же, львиная доля уйдет на строительство дачного дома. Бригаде строителей с Украины Воркун

платил мизер, но много денег должно было уйти на кирпич, кровельную черепицу, пластиковые окна и цемент. Завтра же утром на оптовом складе стройматериалов он загрузит всем этим добром три «КамАЗа» и погонит их на свой участок.

Не газуя, чтобы избежать лишнего шума, Воркун медленно подкатил к воротам мастерской, но на территорию не стал въезжать, а свернул на грунт и, приминая высокую траву, поехал под березы, в тень. «Лучше, чтобы мою машину никто случайно не увидел, – подумал Воркун. – Будто я тут вообще ни при чем».

Он видел себя со стороны умным и предусмотрительным человеком. За его плечами оставалась безупречная служба в армии, в штабе ракетных войск и артиллерии, где он занимал незаметную должность и незаметно дорос до полковника. Несмотря на свой внушительный рост, он умел казаться ниже своих начальников. Воркун незаметно, с отеческой справедливостью перекидывал свои обязанности на подчиненных и ловко подставлял их под взыскания, если отдел допускал ошибку. Находясь на служебном месте, он старался занимать как можно больше пространства, как можно чаще попадать на глаза начальству, как можно больше создавать шума; взбудоражив отдел бесполезной, но суетной работой, он тихо и незаметно исчезал на некоторое время, решая свои личные дела. Он дружил с прапорщиками, старшинами, с солдатами, с начальниками военных складов и автопарков, позволяя всем называть себя по имени. Поил их спиртом, кормил тушенкой, угощал сигаретами, слушал вместе с ними Высоцкого, а потом с их помощью воровал все, что можно было украсть у армии.

Воркун считал себя хитрым, предприимчивым и интеллектуально развитым человеком. Уволившись, он за месяц построил автомастерскую, создав в ней тот же порядок, какой царил в его армейском отделе.

Оставив машину в тени, Воркун пошел вдоль забора к воротам. В мастерской, несмотря на яркое солнце, горел свет, пробиваясь через узкие, как амбразуры, зарешеченные окна. «Надо отправить Макса домой, пока не приехали воришки», – подумал Воркун.

Он уже взялся за большую железную скобу, которая служила ручкой для тяжелой металлической двери, как ему в голову пришла другая идея. Он широко распахнул дверь и зашел в цех той стремительной походкой, с какой привык появляться перед подчиненными.

Макс, одетый в синий комбинезон на голое тело, с выпачканными по локоть руками, ковырялся свечным ключом под капотом «девятки». Он был настолько увлечен работой, что не услышал, как в цех зашел Воркун, и вздрогнул, услышав над собой его голос:

– Хорошо, что ты здесь! Сейчас будет срочная работа! Понял, да? Поменять масло, фильтр, промыть движок... Меня кто-нибудь спрашивал?

Макс, разогнувшись, посмотрел на Воркуна красными от дыма сигарет и усталости глазами и отрицательно покачал головой.

– А знаешь что? – тотчас изменил свое решение Воркун. – Не будем торопиться. Сделаешь ее вечером. Понял, да? Ту машину, что пригонят, сделаешь вечером, а эту давай заканчивай.

Макс, кивнув, закурил, испачкав донельзя сигарету, и снова склонился над двигателем. «Вот и хорошо, – подумал Воркун, – если что, Макс подтвердит, что я приказал ему заменить на «Ауди» масло и с работой не торопился».

Он вышел во двор и тотчас увидел через распахнутые ворота, как по пыльной дороге к мастерской мчится ярко-красная машина. «Едут!» – подумал Воркун, чувствуя, как у него учащенно забилося сердце. Он быстро прошел в дальний конец территории, где стояли два ржавых кузова, и встал вплотную к стене. Через дырку в бетонной плите он хорошо видел и машину, и дорогу в обе стороны. «Не надо встречать, – подумал Воркун. – Обыкновенного клиента хозяин мастерской не встречает».

Приблизившись к воротам, «Ауди» пронзительно засигналила, извещая о своем прибытии. «Чтоб вы провалились! – мысленно выругался Воркун. – Зачем сигналить? Ну чмошники, ну пацаны!»

Он видел, как машина въехала во двор и остановилась. Некоторое время Воркун продолжал наблюдать за «Ауди» из своего укрытия. Из машины вышли два парня в черных ветровках и джинсах, бритые почти наголо. Они, сплевывая под ноги, ходили по двору, постукивали кроссовками по колесам машины и сверкали солнцезащитными очками.

«Вроде все спокойно», – подумал Воркун и вышел из-за кузова. Воришки заметили его не сразу, потому как вообще не смотрели в угол двора.

– Ворота закрой! – крикнул Воркун издали и подумал: «Никто не увидит, что я закрываю ворота».

Только когда машина оказалась отрезанной от внешнего мира бетонным забором и закрытыми наглухо воротами, Воркун почувствовал, как отлегло от сердца.

Неряшливо раскидывая в стороны свои длинные и тяжелые ноги, он приблизился к машине, сохраняя на лице выражение безразличия и усталости. Это он считал военной хитростью – демонстрировать разочарование в товаре, чтобы потом было легче сбить цену.

– Ну? – неопределенно спросил он. – Что это?

Парень с узким лбом и впалыми щеками, что делало его лицо свирепым и глупым, опустил задницу на капот и сунул в рот сигарету.

– Не видишь, что это? – усмехнулся он и стал показывать: – Вот колеса. Вот кузов. Бампер. Ветровое стекло... Ну как? Узнаешь?

Воркун молча ходил вокруг «Ауди». Он перевидал на своем веку много автомобилей, но такую роскошную спортивную модель видел впервые. С трудом сохраняя на лице недовольное выражение, он медленно обошел вокруг машины, рассматривая вытянутые фары с ксеноновыми лампами, изящные колесные диски, обтянутые кожей сиденья салона. Он сразу заметил лежащий на заднем диване тонкий черный кейс с золоченым вензелем «&» под ручкой, но взгляд его тотчас заскользил дальше, на крышу, замки дверей и багажника. Машина была в отличном состоянии.

«Хотя бы на три надо договориться», – подумал Воркун, отыскивая, к чему бы придраться, но воришки словно читали его мысли.

– Работы было много, – сказал один из них – ушастый, с прыщавым лбом и подбородком. – Пришлось петлей поднимать запоры и линейкой удерживать концевики под капотом, чтобы не завывла... Ты обрати внимание на панель! Шестиступенчатая коробка, постоянный привод на все колеса! А с места старт берет – позвоночник спинку кресла продавливает!

«Цену взвинчивают!» – с неприязнью подумал Воркун, сядя за руль и с трудом проталкивая свои длинные ноги к педалям. Он коснулся ладонью руля, почувствовал запах дорогого одеколona и потянулся к рычагу, управляющему положением сиденья. «Хозяин был невысокого роста», – подумал он, подгоняя сиденье под себя. Затем сделал вид, что поправляет зеркало заднего вида, и опустил его в нижнее положение. Теперь он мог видеть кейс. «Неужели они не заметили такой привлекательной штучки? – с сомнением подумал Воркун. – Впрочем, черный кейс на черном диване...»

– Время идет, шеф! – поторопил узколобый. – Давай сначала рассчитаемся, а потом будешь рычажки трогать.

– Трех хватит? – почти без надежды спросил Воркун и почувствовал, как от собственной наглости сам же ухмыльнулся.

– Ты что, прикидываешься калекой? – обиженно спросил прыщавый. – По две с половиной на брата.

«Может, там ничего нет? – думал Воркун. – Кейсы с ценными вещами обычно в машинах не оставляют».

– Ну так как, шеф? – напомнил узколобый. – Платить будешь или что?

Воркун вышел из машины и встал между ней и воришками так, чтобы они не смогли увидеть кейс. «Пять тысяч баксов! – с ужасом подумал он. – Половина аванса! Были бы у меня какие-нибудь рваные или потертые купюры, да, как назло, нет такой ни одной!»

Он думал, что можно сделать, чтобы не платить, но в голову ничего умного не приходило.

– Ладно, – сказал он. – Подождите минуту. Сейчас вынесу.

* * *

Гере в затылок светила киловаттная лампа. Зимой, когда в мастерской было сыро и холодно, он любил работать под ее живительными лучами. Но теперь она дублировала солнце, которого этим летом было в избытке.

Он принялся собирать ключи и отвертки. Это была его обязанность – содержать инструментальный стол в порядке. Макс задержал взгляд на «Ауди», стоящей в дальнем углу мастерской.

– Поезжай домой, – сказал он, вытирая замасленные руки тряпкой. – Уже двенадцатый час.

– Это мы столько провозились? – Гера пожалел о растроченном времени, словно у него были еще какие-то дела, и стал раскладывать ключи на большом железном столе, края которого были щербатыми от пробок пивных бутылок. – Летом вроде бы дни длиннее, а мы едва успеваем.

– Летом машины бьются чаще, – решил Макс. – Солнце, теплые пруды, вино рекой, девушки, адреналин, высокие скорости... Понял, сынок? Осенью будет легче. Да брось ты эти железяки!

– Лично мне осенью будет труднее, – ответил Гера. – Начнутся семинары и зачеты.

Макс посмотрел на него своими ржавыми глазами.

– Зачеты? – недоверчиво переспросил он. – Ты, никак, еще учишься, Эйнштейн?

– Да, – признался Гера, и на его скулах проступили красные пятна. – На факультете журналистики. Уже купил себе диктофон и фотоаппарат.

– Журналистики? – иронично протянул Макс, кидая тряпку на стеллаж, заваленный инструментами. – Разве этому неблагодарному ремеслу еще нужно учиться? Да это же состояние души! Профессия лжецов и лицемеров! И что, таких умных, как ты, туда принимают?

– Не груби, – беззлобно посоветовал Гера, вытаскивая из сумки «Полароид». – На платное обучение принимают всех подряд.

– У тебя слишком большие бицепсы для журналиста, – проговорил Макс. – Настоящий репортер – это слабое и худое существо неопределенного пола и сексуальной ориентации.

– Болтун, – ответил Гера. – У репортера должны быть бицепсы, чтобы прорываться через кордоны телохранителей к своему герою.

– Деньги некуда девать?

– Некуда, – ответил Гера, глядя на Макса через видоискатель фотоаппарата. – Не всю ведь жизнь жиклеры чистить... Улыбочка! Внимание!.. Снято!

Из аппарата медленно выползал черный глянцевый квадрат. Гера держал его за уголок и с сочувствием смотрел на Макса. Этот дурацкий фотоаппарат в глазах Макса символизировал предательство коллеги, подлую измену автомобилям. Макс не нашел и, кажется, не собирался искать альтернативы авторемонту. Гера подозревал, что Макс очень неплохо зарабатывал, но ничуть не завидовал ему, потому как считал свою жизнь в двадцать пять удавшейся, богатой на события и полной надежд.

– Ну-ну! Пиши свои статейки, почитаем их в тиши туалета, – невесело усмехнулся Макс и посмотрел на старые часы с выломанной кукушкой, висящие на стене. – Все, дуй отсюда, репортер! Подъезжай завтра к девяти!

– А ты? – спросил Гера.

– Я еще побуду здесь немного, – ответил Макс, опять наморщив лоб. – Давай, топай! Привет кошке!

Гере не хотелось уходить. Короткая июньская ночь уже покатилась по звездному небу. «Пока я доеду до своего сарая, – думал он, бережно опуская фотоаппарат в сумку, – пока приму душ и лягу спать, начнет светать. Так зачем уезжать?»

– Ты хочешь заняться «Ауди»? – спросил он, всегда предпочитая спрашивать о том, что было неясно, даже если его вопросы могли показаться собеседнику некорректными.

Макс посмотрел на Геру глазами, уставшими от дыма сигарет. Ему ничего не оставалось, как молча терпеть настырность Геры. Тот был завидно молод, энергичен, много работал и мало уставал. Эти достоинства легко покрывали недостатки.

– Да, – сказал Макс, с трудом сдерживая раздражение. – Я хочу заняться этой машиной. Что еще?

Когда хозяин, Гоча Воркун, взял Геру на работу, Макс в первый же день посоветовал ему заниматься только своим делом и поменьше любопытствовать. Гера добросовестно выполнял совет. Воркун приезжал в мастерскую каждое утро, а потом исчезал. Он поставлял машины для ремонта и объяснял, что и в какой срок надо сделать. «Ауди» появилась в цехе сегодня в обед. Она смотрелась как новенькая, и Гера не представлял, что Макс собирается с ней делать. Вылизывать колеса языком?

Гера вскинул сжатый кулак вверх:

– До завтра!

Макс молча кивнул. Провожая коллегу взглядом, он вытирал грязные руки о тряпку, смоченную в бензине. «Странный парень, – думал о нем Гера, выходя из цеха. – Никогда не работает в перчатках. И не лень ему потом по полчаса в душе отмываться?»

* * *

Воркун спал, высоко запрокинув голову и широко раскрыв рот. Его жена – большая, тихая и неповоротливая женщина, неслышно приблизилась к нему и опустила мягкую ладонь на грудь мужа.

Он проснулся с коротким криком – как всегда, если жена будила его посреди ночи, – и сел в кровати. Еще ничего не соображая, он опустил ноги и стал натягивать брюки.

– Нет, нет, – шептала жена. – Тебя к телефону.

Он всегда очень медленно возвращался из сна в реальность, но этот недостаток, как ему казалось, компенсировался неистребимой армейской привычкой быстро вскакивать с постели, одеваться и куда-то бежать. Если бежать никуда не надо было, Воркун снова садился на кровать и начинал чесать ноги. Это помогало ему быстрее вспомнить все свои дела.

– Да, – произнес он в трубку и махнул длинной рукой, приказывая жене, чтобы она зажгла свет.

Голос, который он услышал в ответ, словно кувалдой ударил по нервам, заставляя их, подобно улитке, сжаться в комок и спрятаться в самый недоступный угол души.

– Ты что ж, совсем неразборчив стал, Воркун?

Воркун вскочил с постели и вытянулся, в то же время низко опустив плечи, хотя телефон был беспроводным и Воркун мог стоять ровно.

– Чего ты молчишь?

– Добрый вечер, – невнятно пробормотал Воркун. – Я не ожидал вашего звонка...

– Красная «Ауди» у тебя, дебил? – вопрошал низкий голос. – Только не юли. За пределы района она не вышла, а у нас только ты один такой ловкач.

– Да, – совсем ослабевшим голосом произнес Воркун, с ужасом понимая, что еще мгновение – и он онемееет, и тогда человек, говорящий с ним, через трубку раздавит его, размажет по паркету, как мастику, и Воркун торопливо и горячо заговорил: – Я сейчас все объясню! Вышла досадная ошибка! Понимаете, я просто не прон-ток-роли-ловар! – Его язык запутался, заврался, застрял где-то в глубине тесного рта, не проговорив «проконтролировал», и Воркун, трясая головой, стал говорить короткие и простые слова: – Это пацаны... Я вас прошу... Все будет хорошо... Сейчас же!.. Немедленно!.. Я бы сам позвонил вам... Но честно, руку на сердце, не знал, что это ваша!..

– В общем так, Воркун, – низким баритоном произнес человек на другом конце провода. – Даю тебе час. Сейчас двенадцать. К часу машина должна стоять у платформы «Черная речка».

– Я понял! Я сделаю! – с удвоенной энергией закричал Воркун. – Ради бога, не держите зла! Все же бывает в жизни! Ну кто ж...

В трубке раздались гудки. Воркун медленно оторвал трубку от уха и, морщась, стал массировать грудь. Жена с испугом смотрела на него.

– Кто это, Гриша? – спросила она.

– Кто, кто! – вдруг с ненавистью закричал Воркун. – Какого черта ты тянула? Не могла сказать сразу, кто звонит?

– Я не поняла, Гриша, – начала оправдываться жена.

– Не поняла! Выключи свет! Глаза режет, как в морге!.. Не поняла она... Всю жизнь как идиотка...

Она видела, как он унижался, и ему казалось, что это она, его жена – вечно вялая, малоподвижная и добрая, как корова, – заставила его, такого большого и сильного человека, едва ли не встать на колени.

– Иди вон, – уже тихо сказал он ей. – Хоть бы раз подумала, каким трудом все это мне достается...

Жена даже не заплакала. Она просто превратилась в тень и бесшумно исчезла. «Макс должен быть в мастерской, – подумал Воркун. – Вот он пусть и расхлебывает. Чтобы служба медом не казалась. А то тоже привык, что я за все отвечаю, все дерьмо разгребаю».

Он снова взял трубку, набрал номер пейджингового оператора и сказал:

– Девушка, для абонента «сорок один двенадцать»: «Все работы прекратить. Немедленно отогнать машину к платформе «Черная речка». В семь утра жду на работе».

Сев на кровать, он обхватил руками голову. «Заказчик подождет, – думал он. – Буду тянуть. Скажу, что воришки машину еще не выследили. Деньги положу на месяц в банк под проценты, а потом верну. С паршивой овцы хоть шерсти клок».

Глава 2

Гера хоть и решил посвятить себя журналистике, но болезненным любопытством не страдал. Другой на его месте умер бы, но обязательно разнюхал, что Макс будет делать с «Ауди». А Гера, глядя, как свистящая водяная струя загоняет грязную пену в сливное отверстие, думал о том, что если к зиме ему удастся заработать хотя бы семьсот-восемьсот баксов, то он обязательно поедет на Новый год к матери на Алтай. Только на одну ночь. Прошло уже двенадцать лет, как его отца не стало. Пенсии, которую получала мама, не хватало даже на еду, и комнату Геры пришлось сдать молодой «челночнице». Его место в родительском доме было занято. Гера все понимал и маму ни в чем не упрекал.

Он натянул на себя джинсы, черную майку, которую можно было стирать всего раз в неделю, и, закинув за плечо сумку, вышел во двор. На небе, словно след кисти, еще розовела полоска заката. Ночь, которой было отведено всего три часа, торопилась зашторить последние отблески солнца. От земли, прогретой за день, тянуло теплом. Вокруг стояла загородная тишина, нарушать которую даже звуком мотора казалось кощунством.

Он сел в кабину старого, доживающего свой автомобильный век «жигуленка». Когда-то это была кондовая, но выносливая и неприхотливая «копейка». В зимний гололед машину вынесло на полосу встречного движения. Ее хозяин погиб – рулевым колесом ему раздавило грудную клетку. Гера купил развалюху у родственников водителя за символическую плату, отрихтовал кузов, заменил разрушенные потроха запчастями, которые нашел во дворе мастерской и на автомобильной свалке, и сделал так, что колеса стали вращаться. Надо было иметь железные нервы и наплеватьельски относиться к своему самолюбию, чтобы сесть за руль этого гибрида подводной лодки, телеги и бензопилы, но Гера был свободен от комплексов.

Мотор между тем завелся с первого раза. Карбюратор простуженно чихнул, выхлопная труба для порядка стрельнула, как мортира, и железное чудовище тронулось с места. Между мастерской и садовым домиком, который он снимал, было километров десять. Драндулет преодолевал это расстояние за двадцать минут днем и за полчаса ночью. Ночью приходилось ехать медленнее потому, что фар в машине не было, и Гера продвигался по лесной дороге, как крот по своему тоннелю.

Он подъехал к воротам. Пришлось выйти из машины, чтобы их открыть. Сторож, спавший в будке, приступал к своим обязанностям тогда, когда из мастерской выходил последний работник. Сейчас из сторожки доносился шумный храп, от которого, казалось, в темном лесу дрожат от страха звери.

Выехав с территории мастерской, Гера вырулил на шоссе. Разогнав машину, переключился на третью передачу (четвертая не работала) и придавил до пола педаль газа, выжимая из машины все, на что она была способна. Темный забор, над которым тускло светились узкие, зарешеченные окна мастерской, похожие на корабельные ванты, медленно таял в ночи, которая уже властвовала безраздельно.

Вдруг ему в затылок ударил яркий свет, и его машину с протяжным воем обогнала ярко-красная «Ауди». Окутав механического таракана пылевым облаком, машина через несколько секунд скрылась из виду.

«Ночь. На дороге никого, – подумал Гера. – Сторож спит. Воркун тем более. Удобнее случая, чтобы покататься на приличной тачке, у Макса не будет».

* * *

Мощные фары тараном распарывали темноту ночи. Макс поглядывал на светящиеся цифры спидометра, удивляясь тому, как легко и быстро «Ауди» добралась до «соточки». Первый раз в жизни он управлял такой роскошной машиной. Еще бы! Триста двадцать шесть «лошадок»! Кинематически рассчитанное спортивное шасси с семнадцатидюймовыми колесными дисками! Это вам не дохлые «шестерки» и «девятки», которым Макс при помощи всяких ухищрений продлевал жизнь.

Настроение у него было прекрасное. Воркун как нельзя кстати сбросил ему на пейджер сообщение, поручив сделать то, о чем Макс втайне мечтал весь день. И вот он за рулем «Ауди». Жалея о том, что путь до платформы слишком короток, Макс как мог растягивал удовольствие. Он несколько раз останавливал машину, выходил из кабины, прогуливался вокруг, нажимал на капот, гладил рукой фирменный знак в виде четырех сцепленных между собой колец, затем снова садился за руль и крепко обхватывал эбонитовую головку рычага передач.

«Конечно, – думал он, – через мои руки не только металлолом проходит. Из Германии такие тачки пригоняют – сердце в груди замирает от восторга. Но такая игрушка в моих руках впервые».

Он особенно не задумывался о том, почему эту машину приходится в срочном порядке перегонять к платформе. И почему ночью? Почему хозяин сам не приехал за ней? Интуитивно он чувствовал, что вокруг этой машины, как рядом с ослепительно красивой женщиной, кружится какой-то криминал, но не пытался разгадать его суть. С Воркуном у него существовал некий негласный сговор: Макс работал в мастерской на хозяина и на себя. В область «на себя» Воркун никогда не входил. И Макс в свою очередь не интересовался его делами.

Платформа «Черная речка» была погружена во мрак. В такое время электрички уже не курсировали, и рельсовое полотно было отдано во власть тяжелым товарнякам. Одинокaя лампа фонаря освещала часть платформы, залитую лужами. Темные кусты громоздились вокруг бесформенными комками. Ларек, закрытый металлическими ставнями, напоминал мусорный бак.

Макс, развернувшись на асфальтовом «пятачке», остановил машину и заглушил мотор. Некоторое время он сидел в полной темноте, привыкая к тусклому свету станционного фонаря. Не прошло и минуты, как кто-то постучал по стеклу костяшками пальцев. Малолетний молодой мужчина с накачанной грудью, которая выпирала из-под футболки двумя большими полушариями, нетерпеливо нажимая на дверной замок, смотрел в сторону, словно Макс был для него еще менее интересным объектом, чем платформа. Макс поднял кнопку фиксатора. Дверь открылась, и салон наполнился сырým воздухом ночи.

– Здорово! – приветливо сказал он, протягивая мужчине руку, но тот, проигнорировав этот жест, сразу же встал коленом на водительское сиденье и осмотрел салон.

– Кейс где? – спросил он.

– Кейс? – не понял Макс. – Какой кейс?

Мужчина, не меняясь в лице и с боксерской ловкостью уворачивая взгляд от пытливых глаз Макса, обошел машину, открыл багажник и мельком заглянул внутрь.

– Какие проблемы, дружище? – спросил Макс.

Мужчина кинул в рот спичку и, покусывая ее кончик, неторопливо приблизился к Максy.

– Завтра в четыре, – тихо и гнусаво произнес он, – я приду за кейсом.

– погоди! – заволновался Макс, опасаясь, что маленькое недоразумение может вылиться в большую неприятность. – Объясни толком, о каком кейсе ты говоришь?

Мужчина сел за руль и завел мотор. Понимая, что разговор вот-вот оборвется, Макс склонился над окном и громко сказал:

– Мне хозяин поручил только пригнать машину сюда...

«Ауди», взвизгнув колесами, рванула с места и быстро покатила по дороге через деревню. Еще несколько мгновений Макс продолжал стоять согнувшись, словно с ним вдруг случился приступ радикулита. «Очень интересно, – подумал он. – Завтра в четыре он придет за кейсом. А я здесь при чем? И вообще, что мне сейчас прикажете делать?»

Он посмотрел на часы, надавив на кнопку подсветки. Шел второй час ночи.

* * *

Гера подъехал к своему дачному домику и заглушил мотор. От леса повеяло влажной свежестью. Полная луна неоновой лампой висела над головой. Под белыми стволами берез разлеглись синие тени. Гере спать не хотелось. В лунные ночи он, как вампир, страдал бессонницей. Было половина первого – время, когда нормальные люди уже давно спят, но Гере хотелось общества, и рассчитывать он мог только на ненормальных.

Гера, снял навесной замок с двери, вошел на веранду. Кошка появилась рядом с ним незаметно и бесшумно, словно материализовалась из темноты. Она была сыта мышами и «Вискас» не просила. Лениво дотронувшись до ноги хозяина, она напомнила о себе и исчезла.

Гера понимал, что совершает глупость, но проявлять благоразумие ему не хотелось. Двадцать пять лет – это тот возраст, когда глупость еще простительна. В нем гармонично уживалось два человека: один умный и сдержанный до противности, а второй глуповатый, бесшабашный и неугомонный. Доступ к управлению телом чаще имел второй. Этот второй, взяв с полки бутылку водки, сунул ее в полиэтиленовый пакет, а первый проворчал: «Утром будешь жалеть».

Ламантина жила рядом с железной дорогой в двух километрах от платформы «Черная речка». Эту не вполне нормальную женщину таким странным именем нарек Макс. Он утверждал, что никогда с ней не спал и посещал ее только для того, чтобы отдохнуть от слишком умного человечества. Когда душа Макса насытилась отдыхом до предела, он показал тропинку к дому Ламантины Гере.

Ламантина была сестрой путевого обходчика, жила неподалеку от его усадьбы в маленькой пятистенке, огороженной крепким дощатым забором. Летом она торговала в ларьке дачного поселка шоколадными батончиками и дешевой водкой в мутных бутылках с блеклыми этикетками, которые с удовольствием покупали строители, а зимой гнала самогон и помогала семье брата ухаживать за скотиной. Она была мнительной и чистоплотной. Круглый год Ламантина носила белую косынку, неистово крестилась на грозу и президента в телевизоре, а питалась молоком, щами из щавеля и горохом.

Гера не стал заводить еще теплый самоходный металлолом и пошел к Ламантине пешком. В овраге скопился туман. Очертания деревьев таяли в нем. Он шел по мокрой траве, и кроссовки отмылись до резинового писка. В сыром воздухе сконцентрировались запахи леса и полевых цветов. Тень Геры шлифовала кочки. Было очень тихо.

Он поднялся на железнодорожную насыпь и пошел быстрее. На краю поля, рядом с темной громадой леса, напоминающей «Титаник» в море, тускло мерцал одинокий огонек. В доме Ламантины горел свет.

Гера подошел к забору, подпрыгнув, ухватился за край и легко перенес на другую сторону свое тренированное тело. Потом, поправив за пазухой бутылку, смело пошел по грядкам. Они были ухожены, но на них почему-то ничего не росло, кроме сорняков. У крыльца, на деревянной кадке, стояло ведро с водой, и Гера, встав перед ним на колени, с удовольствием напился. Пустые банки из-под солений, надетые сверху на деревянные колышки, матово отсвечивали в свете луны. На двух веревках, протянутых по двору крест-накрест, висели простыни. Издали их можно было принять за стены выбеленной известью хаты.

Замшелые ступеньки крыльца тихо скрипнули под его ногами. Гера приподнял кулак, нацелив его на дощатую дверь, и негромко постучал. Ему показалось, что белая занавеска на окне дрогнула. По ней пробежала тень. Гера, вытащив бутылку, взял ее за горлышко, как букет цветов, и соорудил на лице выражение свинского счастья. Ни к какой другой женщине в мире он бы не пришел в такой идиотской манере и так поздно. К Ламантине – всегда пожалуйста! Рядом с ней можно было расслабиться, не думать об этикете и совести. Гера лишь недавно стал понимать, почему Макс так долго ходил к ней. Ламантина обладала редчайшей особенностью: ее можно было сделать счастливой, не прилагая к этому никаких усилий. А видеть рядом очастливленного человека для мужчины всегда приятно.

Лязгнул крючок. Дверь открылась. Это тоже было одно из редчайших качеств: Ламантина всегда открывала дверь не спрашивая, будь то день или ночь.

Лампочка на голом проводе, висящая на потолке в сенях, больно резанула Геру по глазам. Он прикрыл лицо ладонью. На него выплыло крупное тело хозяйки, пахнущее травяным шампунем.

– Кому не спится в ночь глухую... – пробормотал он, протягивая бутылку, но наткнулся на мягкую ладонь.

– Иди домой, милый, – тихо, скороговоркой заговорила Ламантина, заслоня собой дверной проем. – Бога ради, возвращаясь той же тропинкой... Уже поздно... Ночь на дворе, а придешь утром, как роса сойдет... А сейчас уже поздно...

Это не похоже было на безотказную Ламантину. Недоумевая, Гера опустил руку с бутылкой и отступил на шаг.

– Что за проблемы? – произнес он, впервые почувствовав себя рядом с Ламантиной в глупом положении. – Ты не одна?

– Иди-иди! – настойчивее повторила женщина. – Не гневи бога, будет час, тогда приходи, а сейчас некогда, сейчас не время. Ночь лунная, не заблудишься...

– В самом деле, – пробормотал Гера. – Светит, как прожектор...

Дверь перед его носом мягко закрылась. Крючок лег на петлю. Тень молодого человека налипла на дверь и пол крыльца, сломавшись пополам. Бутылка напоминала гранату. «Зря машину не взял!» – подумал Гера.

Водку он выпил, сидя на крыльце своего домика. Закусил луковицей и черным хлебом. Какая-то птица, взмыв в ночное небо, пролетела над ним, на секунду закрыв огромным крылом луну.

* * *

Утро было наполнено шумом электричек, речитативом кукушки и гулким эхом. Гера проснулся оттого, что желтая шторка, покачивающаяся на свежем сквознячке перед открытым окном, гладила его по лицу. Зевая и потягиваясь, он вышел из домика. Туман, свернувшись клубком, словно белый медведь, спрятался на дне оврага. Лохматые березы тихо полоскали свежие ветви в лучах солнца. Кошка грелась на крыше машины и, щурясь, смотрела на хозяина.

Он разжег примус и приготовил кофе. У джезвы сломалась ручка, и Гере пришлось снимать ее с огня при помощи рукавицы. Он пил крепкий напиток, похожий на деготь, вприкуску с сухарями и думал о Ламантине, о трехлети кошки и поляне, которую ему предстояло сегодня накрыть. От ржавого четырехколесного трансформера прозрачной пленкой струился пар. Роса, покрывшая его крышку и капот, нагревалась на солнце и испарялась буквально на глазах. Кошка чихала и трясла головой.

Он подкатил к мастерской с небольшим опозданием, потому что по дороге у его лимузина отвалился глушитель. Когда Гера закрепил его проволокой, на часах пропиликало девять.

Как назло, у ворот прохаживался Воркун. Большой, сутулый, неловкий, как огородное чучело, наспех сколоченное из кривых палок. Он размахивал длинными руками и, склонив голову набок, поглядывал на Геру. Тот думал, что хозяин устроит ему разнос, но у Воркуна сегодня было хорошее настроение.

– Здорово! – отрывисто сказал он, протягивая ладонь, похожую на пальмовую ветвь. – Ты это... Ну, я тебе говорил... Сделал, нет? Ну, музыкант приходил, что-то у него там не фурчило... Не помнишь, что ли?

У Гочи с разговорной речью были большие проблемы. Общался он в основном междометиями и укороченными предложениями, всякий раз заставляя собеседника расшифровывать его мысль, словно решать ребус. Гера с детства любил ребусы, кроссворды и загадки, потому быстро научился понимать Гочу.

– Я понял! Вы имеете в виду изумрудную «девятку», у которой не работал топливный насос? Все сделано.

– А-а, – кивнул Гоча. – Ну, давай, занимайся... Ну, ты понял, да?.. Придет этот козел, все ему скажи... В общем, меня не будет...

– Вас не будет, «девятку» отдать хозяину и заниматься «Москвичом»? – перевел Гера.

Гоча снова кивнул, повернулся и, склонив голову набок, захромал к своей бордовой «шестерке». Гера зашел в мастерскую. Свет косыми лучами падал из окна на смотровую яму. Макс сидел на стуле, положив ноги на стол для инструментов, и курил. На нем была ярко-красная, как роза, майка с надписью: «DON'T LET ME DOWN». Гера опустил на стол сумку. Звякнули бутылки.

– Ты хозяина видел? – вместо приветствия спросил Макс.

– Видел. Высокий такой у нас хозяин. Очень понятно говорит...

– И что он тебе сказал?

Гере не понравилось, каким тоном говорил с ним Макс. Если у человека с утра плохое настроение, то это вовсе не значит, что надо портить его тем, у кого оно хорошее.

– Какая муха тебя укусила, Макс? – спросил он, выставляя бутылки на стол. – Хозяин уехал, сказал, что его не будет.

– Сволочь, – негромко произнес Макс и кинул окурок в угол. Гера проследил за его полетом. Окурок ударился об стену и рассыпался на салют.

– Не совсем понятно, – сказал он, – к кому конкретно адресовано столь лестное... Интересно, а что означает эта фраза у тебя на груди? Если не ошибаюсь, что-то похожее в свое время пели «Битлз»?..

Макс, недослушав его, встал. Под его подошвой чавкнула старая смазка, покрывшая тонким слоем бетонный пол. Гера почувствовал, как у него стало быстро портиться настроение. Горлышко бутылки в его ладони запотевало.

– Иди домой, – не оборачиваясь, сказал Макс. – Тебе здесь нечего делать.

– В каком смысле?

– Возьми выходной! – раздраженно ответил Макс. – Чтоб до завтрашнего утра я тебя здесь не видел.

Гера стоял с бутылкой в руке, не зная, вернуть ее в пакет или же поставить на стол. Макс нервно ходил по тому месту, где вчера вечером стояла красная «Ауди», и поглядывал на настенные часы с деревянным кукишем вместо кукушки.

– Вы поругались? – спросил Гера.

– Он... – сказал Макс и сделал паузу. – Его сегодня не будет. Уходи!

– Может, выпьешь стакан? Легче станет.

– Не станет, – уверенно ответил Макс. – Когда плохо, от водки становится только хуже.

– Все пройдет, – неопределенно предположил Гера. Ему очень хотелось как-то утешить коллегу, но он не знал, как это сделать.

– Ты так думаешь? – усмехнулся Макс и снова кинул тревожный взгляд на часы. В этот момент над циферблатом открылась маленькая крышка и оттуда высунулась фига. И так десять раз подряд.

* * *

В преподавательской застать Назарову было очень сложно. Не потому, что ее рабочий день был до предела забит лекциями, семинарами или зачетами и она большую часть времени проводила в аудиториях. Просто она не любила эту большую и неуютную комнату, в которой столы преподавателей стояли ровными рядами, как в школьных классах, а во главе рядов стоял стол заведующего кафедрой.

Это был тучный мужчина с подслеповатыми глазками, спрятанными за толстыми линзами очков, с неразвитыми, мягкими, вялыми, как у больной женщины, руками. Верхняя часть его головы представляла собой плоскую и обширную лысину. Было похоже, что голова заведующего долгое время служила деталью перил в старом доме и со временем стерлась и отполировалась. Заведующий всегда говорил с подчиненными тихо, чтобы не слишком была заметна его картавость, не выговаривал им, но безжалостно снимал премии и надбавки, несмотря на то что преподаватели страдали от хронических невыплат. Завистливый, закомплексованный из-за своей непривлекательной внешности, он был всегда мрачен, злопамятен и высокомерен. Сидя в преподавательской, он добивался полной тишины и строгой дисциплины. Он часами читал газеты, сверкая лысиной, и время от времени исподлобья кидал взгляды на подчиненных. Он все запоминал: кто читает не педагогическую литературу, кто решает кроссворды, кто дремлет, а кто плохо на него смотрит, и потом мстил, запершись в кабинете и рисуя рыхлой рукой приказы о денежном вознаграждении сотрудников.

Назарова своего начальника словно не замечала, игнорируя его надуманные требования. Он истекал потом и желчью, но ничего не мог сделать.

– Римма Фаизовна, – прокартавил он ей, когда Назарова стояла у окна в коридоре и курила. – Потрудитесь зайти в преподавательскую и взять телефонную трубку. Вас уже в третий раз добивается молодой мужчина, но я был не компетентен относительно вашего места пребывания.

Заведующий всегда пытался говорить витиевато, считая, что это модно и демократично. Назарова загасила сигарету в стеклянной пепельнице, похожей на застывшую каплю, и зашла в преподавательскую. Телефон стоял на столе у заведующего, на самом краю. Когда заведующий садился за стол, телефон оказывался непосредственно под его отвислым подбородком. Он нарочно придвинул его так близко к себе, чтобы подчиненным было неудобно им пользоваться, а значит, в его присутствии резко снижалось количество неслужебных разговоров.

Заведующий сел. Назарова взяла со стола трубку и повернулась к нему спиной.

– Римма, здравствуй, это я! – услышала она незнакомый голос.

– Да-да, я слушаю!

Она не любила, когда говорящий по телефону представлялся не сразу. Это напоминало глупый розыгрыш, когда сзади кто-то тихо подкрадывается и закрывает ладонями глаза. Очень остроумная шутка!

– Ты меня не узнала? Это Макс из автосервиса. На прошлой неделе я тебе момент зажигания устанавливал. Ты еще свою визитку мне оставила.

– Здравствуй, милый! – громко ответила Назарова и подумала: «На ловца и зверь бежит». – Конечно, я тебя помню, дорогой мой! Конечно!

Заведующий и все свободные от занятий преподаватели замерли, делая вид, что продолжают читать газеты и писать план-конспекты, а у самих уши покраснели от напряжения: о чем говорит с молодым человеком старший преподаватель Назарова, у которой не сложилась семейная жизнь?

– Римма, выручай, у меня проблема! – стал торопливо объяснять Макс.

– Что, родненький?

– Мне надо на пару недель спрятаться в какой-нибудь деревне или на даче. У тебя есть дача?

«Как они напрягаются! – думала Назарова, глядя на сосредоточенные уши вокруг себя. – Как, бедняжки, стараются! Как им хочется!»

– Нет, милый, дачи у меня уже нет, – ответила Назарова. – Дача уплыла, как белый пароход.

– Вот черт! – выругался в трубку Макс. Потом что-то зашуршало, заскрипело. Наверное, он взял трубку другой рукой. – А дом в деревне?

– Деревня под Уфой.

– Под Уфой?! Нет, это очень далеко.

– А что случилось? Ты очень взволнован!

– Это не телефонный разговор. Понимаешь... – нехотя стал объяснять Макс. – Я перегонял клиенту машину, а в ней, как выяснилось, лежал его кейс. И он пропал, понимаешь? Я этого кейса вообще в глаза не видел! А Гоча, сволочь, сделал так, чтобы я сам отдувался перед клиентом...

Назаровой показалось, что ей стало не хватать воздуха. Трубка медленно заскользила по щеке вниз. Чувствуя слабость в ногах, она присела на край стола. Преподавательский состав в полной тишине, не шевелясь, ничем не выражая эмоций, тащился от восторга.

– Почему ты... – произнесла Назарова не своим голосом, но тотчас откашлялась и добавила: – Почему ты это сделал? Какая машина?

– «Ауди»! – полушепотом ответил Макс. – Спортивная «Ауди». Я тоже спрашиваю: почему я? Гоча приказал, и я погнал!

– Номер какой?

– Да какая тебе разница? – нервничал Макс. Казалось, что его кто-то подгоняет, постоянно просит освободить телефон. – Не помню! Я на номер вообще не обратил внимания!

– Хорошо, – с трудом подавляя волнение, ответила Назарова. – Я подумаю. Я что-нибудь для тебя подыщу. Скоро увидимся! Оставь мне номер своего пейджера!

– Я на тебя надеюсь! – нервно проговорил Макс. – В долгу не останусь. Звони! Но обязательно чтобы был двор. И желательно за забором.

Назарова положила трубку. Преподавательская получила удовольствие и расслабилась. Заведующий, не поднимая головы, достал платок и вытер вспотевшую шею, покрытую редкими рыжими волосиками.

– Я плохо себя чувствую, – сказала Назарова, закидывая сумочку на плечо. – До свидания!

Она быстро вышла в коридор. Некоторое время все прислушивались к удаляющемуся стуку каблучков. Когда все стихло, один из преподавателей как бы невзначай заметил:

– Что поделаешь? У мужчин власть формальная, а у женщин – реальная.

Раздался вялый смешок. По комнате прошел сквознячок. Заведующий стиснул зубы. Газетные строчки перед его глазами начали двоиться и поплыли. Так у него всегда бывало, когда внутри тяжелым комком раздувалась бессильная злость. «Хрен ты у меня получишь, а не надбавку за интенсивность!» – подумал он.

Но это относилось не к Назаровой.

* * *

Гера вернулся домой. Глушитель оторвался окончательно, и ему пришлось закрепить его проволокой на крыше. Треск мотора пулеметной стрельбой разносился по лесу. Испуганные птицы покинули свои гнезда и стали бомбить бронетранспортер пометом. Худой и небритый украинец из бригады строителей, которого звали Бодей, предусмотрительно сошел с дороги в кусты и, провожая Геру взглядом, с укором покачал головой. Наверное, бригада опять послала его в ларек к Ламантине.

Строители пили каждый день, но понемногу. Бутылка на шесть человек. На большее у них не хватало денег. Воркун, которому они ставили сруб, выплачивал им жалованье ежемесячно, но как только строители получали деньги, к ним сразу же подваливали двое вымогателей. Так продолжалось уже несколько месяцев подряд. День в день. Воркун, жалея рабочих, пускался на всякие ухищрения: то выплату производил на день позже, то выдавал жалованье частями, то не платил вовсе. Строители жаловались, плакали, но деньги сохранить не могли. Здесь они были бесправны. Без гражданства, прописки и паспортов.

Гера притормозил рядом с Бодей. У того были голубые глаза. Все остальное – серым. Говорить было невозможно, треск заглушал слова. Гера кивнул, приглашая сесть рядом.

– У тебя трех рублей до полочки не будет? – спросил строитель, с трудом заталкивая свое нескладное тело в кабину бензопилы на колесах.

– Зачем тебе?

– За водкой ребята послали. Нюрка сегодня не торгует, придется в деревню чухать.

Нюркой он называл Ламантину. Ее ларек для строителей был центром культуры, объектом, определяющим признаки цивилизации в этом затерянном среди лесов и болот дачном поселке. Когда строители посылали в ларек гонца, он надевал все самое чистое. Парадный костюм Боди состоял из черных брюк с жирными пятнами и некогда зеленой кофточки со штопкой на рукаве. Вот только ботинки на нем были разные, причем один без каблука, а другой без шнурка, и оба были надеты на босые ноги.

– Возьми на заднем сиденье бутылку. Вернешь такую же, – сказал Гера, испытывая мучительное чувство жалости к строителю, нищета которого была едва ли не хрестоматийной.

Бодя повернулся, пошарил рукой в пакете.

– Сколько их у тебя здесь! – восторженно произнес он. В его понимании четыре бутылки водки были богатством. – На праздник едешь, что ли?

– У кошки день рождения, – ответил Гера.

На обед он сварил макароны и вывалил в кастрюлю банку тушенки. Осилил только половину. Кошка, обьевшаяся «Вискасом» по случаю дня рождения, отказалась разделить трапезу с хозяином. Гера завернул кастрюлю в газету – чтобы макароны подольше сохранили тепло, – прихватил с собой бутылку водки и пошел к строителем, к армейской палатке с провисшей крышей, в которой они жили.

Собственно, Гера был таким же бесправным «иногородцем», нелегально проживающим в Подмоскowie, и все же строители соблюдали в общении с ним некоторую дистанцию. Но лишь тогда, когда были трезвыми. Едва они выпили по второй и стали стучать ложками

по краям кастрюли с макаронами, как Гере стало известно, что сегодня у них получка и в связи с этим счастливым событием завтра для них наступит «черный день»: к ним снова придут вымогатели.

– Спрячьте куда-нибудь, – посоветовал Гера, разливая остатки водки по чашкам. – В лесу закопайте.

– Так бить начнут, – сиплым голосом ответил Бодя.

– Много их?

– Двое.

– Всего двое? Против вас шестерых?!

– Так они с «пушками», парень! – объяснил Бодя.

– Придумайте что-нибудь! – Гера поднял свою чашку, хотя она была пуста. – Скажите, что вас ограбили.

Они чокнулись. За березами прошелестела электричка. Ветер прошелся по верхушкам деревьев. На газету, которая служила импровизированным столом, посыпались сережки, напоминающие серых гусениц.

– Кто ограбил? Когда ограбил? – ленивым голосом произнес малорослый и щуплый парень в полосатой рубашке с грязным донельзя воротником. Медленно выпил, опустил чашку и, словно водка тотчас пошла обратно, стал часто и судорожно глотать воздух.

Кто-то ухватил пальцами за последнюю макаронину, безжизненно висевшую на краю кастрюли. Гера смотрел на дно чашки. В капле водки тонул жучок. Он уже был изрядно пьян, но все еще боролся за свою жизнь. Гера вытряхнул его на траву.

– Можете сказать, что к вам пришел светловолосый парень двадцати пяти лет от роду с револьвером класса «магнум» и заставил вывернуть карманы, – на ходу придумал он. – Мы все красиво сыграем. Отдадите деньги мне, а я спрячу их в мастерской.

– Не суйся в наши дела, хлопец, – низким ворчащим голосом произнес толстый краснолицый мужчина. Наверное, у него была гипертония. Он шумно сопел и часто прикладывал молоток ко лбу и шее. – Поймают тебя, ребра пересчитают. С этими собаками шутить не надо.

– Тогда добровольно отдавайте все, что заработали, – согласился Гера.

– Я смотрю, тебя на подвиги тянет, – усмехнулся Бодя. На его подбородке, нанизавшись на щетину как на вилку, висела макаронина. Краснолицый смотрел на нее, смотрел, потом поймал и съел.

– Скучно, – ответил Гера.

– А ты пей больше, тогда и скучать не будешь.

Где-то высоко над ними пролетел «кукурузник». Из него, как семена из перезрелого подсолнуха, посыпались парашютисты. Гере в самом деле было скучно и тянуло на подвиги. Впервые за полгода, что он работал в мастерской, ему дали выходной. Оказалось, это страшная штука. От тоски хотелось повеситься.

– Ножовка по металлу есть? – спросил он у Боди.

* * *

Сначала Гера аккуратно выдернул резиновые уплотнители и выдавил заднее стекло и «форточки». Затем снял с потолка кабины проводку. Осталась ерунда – распилить ножовкой опоры крыши.

Через полчаса он ехал в мастерскую на кабриолете, очень довольный своим изобретением. Оглушающий треск мотора извещал окрестные деревни и дачные поселки о появлении в регионе первого автомобиля с открытым верхом. Собаки, тщетно пытаясь привлечь своим лаем внимание главного конструктора, окружили машину плотным кольцом. Сиг-

нал не работал и, стараясь не отдавить лапы какой-нибудь псине, Гера громко колошматил кулаком по наружному борту. Ветер трепал его светлые, почти белые волосы, размазывая по щекам слезы счастья. Он пел революционные и народно-патриотические песни и махал парашютистам, напоминая им о необходимости выдернуть кольцо. Гере очень хотелось, чтобы с неба прямо к нему в машину свалились несколько этих отважных парней.

От избытка счастья он потерял над собой контроль и зачем-то помахал рукой двум милиционерам, которые сидели в засаде в камышах. Надо было сделать лицо деревянным, глаза сузить и взгляд направить вперед, тогда, возможно, они не сразу бы сообразили, что это за чудовище проехало мимо. Но блюстителей порядка возмутил фамильярный жест Геры, и они одновременно замахали полосатыми жезлами, как барабанщики своими палочками. Тут Гера совершил вторую ошибку, и вместо того чтобы послушно прижаться к обочине и остановиться, надавил на педаль акселератора. Гордый кабриолет открыл по преследователям беспорядочную стрельбу выхлопными газами, затем, словно кальмар, выпустил облако непроницаемо-черного дыма и стал медленно увеличивать скорость.

Главный конструктор, лихорадочно заталкивая в рот ментоловую жвачку, вцепился в руль мертвой хваткой. Отступать было поздно. Уйти от преследователей в отрыв у него не было никаких шансов. Этого железного клопа без труда мог обогнать даже велосипедист. Гера сам не понимал, как его второму «я», бесшабашному и не очень умному, удалось захватить инициативу. Тем не менее телега с карбюратором продолжала скакать по дороге, а сзади, отчаянно сигналив, сердито гудел «УАЗ».

До мастерской оставалось не больше километра, но Гера мужественно признал свое поражение и сошел с дистанции. Съехав в кювет, он заглушил мотор, перемахнул через борт и побежал напрямик, через пшеничное поле.

Он вышел к мастерской утыканный колосками, как плешистый ежик. Милиционеры, постукивая жезлами по голенищам сапог, ждали его у входа.

– Нехорошо, – сказал один из них.

– Здравствуйте, – ответил Гера. – Ремонт, обслуживание, мойка – для вас все бесплатно.

– Документы на машину есть?

– Нет, – честно признался Гера и стал вытряхивать джинсы. – Отказано в регистрации по причине неординарной конструкции.

– Машина твоя?

– Не смею лгать.

– Почему без номерных знаков?

– Да если бы у нее только номерных знаков не было, – вздохнув, ответил Гера. – Испытания. Самый разгар процесса разработки и совершенствования первого отечественного кабриолета.

– Здесь работаешь?

– Да, здесь. Автослесарь шестого разряда. Фамилия – Герасимов.

– А что у вас там горит, Герасимов?

Гера поднял голову. Из-за забора стремительно ввинчивалась в небо черная дымовая спираль.

– Черт возьми! – крикнул он, схватившись за голову. – Кажется, это склад...

Стремительно трезвея, Гера кинулся к воротам, но они оказались запертыми. Тогда Гера принялся колотить по ним ногами. Милиционеры смотрели сначала с любопытством, а потом стали помогать.

– Кто там должен быть?

– Мой коллега, Максим.

– У вас всегда ворота заперты?

– Только ночью. Подсадите меня, я перелезу через забор!

Милиционеры соорудили при помощи жезлов лесенку и перекинули Геру за забор. Он открыл засов и кинулся к дверям мастерской.

– Макс! – орал Гера, оглядываясь на полыхающий склад, в котором хранились отработанное масло, бензин и прочие технические жидкости. Склад был шит из лоскутков жести, без окон, как посылочный ящик, и гудящее пламя вырывалось через щели между листами. Черный дым закоптил солнце. Стало темно.

– Беги за пожарными! – приказал милиционер своему коллеге. – Чтоб вас черти в смоле поджарили! Сейчас огонь на мастерскую перекинется!

– Не перекинется! – с безосновательным оптимизмом ответил Гера и забежал внутрь.

Макса нигде не было. Гера даже заглянул в смотровую яму. На столе работал портативный телевизор. В пепельнице тлел фильтр сигареты. Гера заскочил в переодевалку. Одежда Макса висела на вешалке, а сумка валялась на полу.

– Макс! – тихо позвал он.

– Ну, что тут? – крикнул за его спиной милиционер.

– Ничего, – ответил Гера. – Он куда-то пропал.

– Давай огнетушители! Где они у вас тут?

– При входе на стене.

Гера смотрел на сумку Макса. Она была вывернута наизнанку. Кто-то раздавил ногой нераспечатанную пачку «Блэнда», и на ней остался след от протектора подошвы. Под ногами валялись вещи, выпавшие из сумки, – зубная щетка, тюбик с пастой, сложенное конвертом полотенце, нательное белье, пейджер с треснутым стеклом, несколько консервных банок и герметичные упаковки с ветчиной и сыром... Станный набор вещей. Будто Макс собрался в командировку, причем надолго.

Гера поднял пейджер и положил его себе в карман. Пожар уже сожрал дощатую крышу, покрытую рубероидом. Из-под двери текли огненные ручьи. Милиционер, набегая на пламя как татаро-монгол, поливал его ржавой струей из огнетушителя.

– Не стой! – кричал он Гере. – Тащи песок! Лопату!

Можно было подумать, что милиционер поливает огонь бензином. От его усердия огонь не утихал. Гера сорвал с красного щита лопату и копнул спрессованный в ящике песок. Это была бессмысленная суета! Горящие бензин и масло погасить можно только одним способом: дожидаться, когда все выгорит до конца.

Комья песка полетели в огонь. Но очень скоро штык лопаты вонзился в каменистый грунт.

– Почему стоишь?! Работай! – кричал милиционер.

– Поздно, – ответил Гера.

* * *

Покусывая губы, он смотрел, как пожарные, наступая на сорванные с петель и лежащие на земле двери, выносят из склада носилки с какой-то отвратительной дымящейся массой.

Потом его допрашивал молодой следователь с золотой цепью на шее. У него был странный жаргон. Раньше Гера думал, что следователи говорят гладко, немножко шаблонно, как комсомольские вожаки.

– Когда ты на складе последний раз был?

– Вчера вечером.

– «Волоса» на бочках или канистрах не заметил?

– Какого волоса?

– Не надо играть со мной в болвана. Я про электропровод спрашиваю.

– Нет, не заметил.

- Он не говорил, кто конкретно к нему должен был прийти? Мужчина? Женщина?
- Он сказал, чтобы я уехал домой.
- А с чего ты вообще взял, что к нему должен был кто-то прийти?
- Ни с чего не взял. Мне так показалось. Он все время смотрел на часы и торопил меня.
- Фантазер ты, Герасимов. И не надо брызгать лупетками. Соблюдали бы правила противопожарной безопасности, не случилось бы беды. Все бочки дырявые, кругом грязь, про- вода под напряжением, сами ходите, как чуханы.

Пошел дождь. Сиденья в кабриолете вымокли насквозь и стали напоминать банные мочалки. Когда Гера подъехал к дому, его колотил озноб. На веранде он стащил с себя мокрую одежду, завернулся в махровый халат и растопил «буржуйку». В стакан с водкой добавил лимонного сока и ложку меда, который еще зимой купил у Ламантины. «Буржуйка» гудела, как растревоженный улей. Коктейль обжигал внутренности. Гера смотрел в забрызганное дождевыми каплями окно. Кабриолет медленно наполнялся водой. Главный конструктор вспомнил анекдот про «нового русского», у которого в салоне «шестисотого» «Мерседеса» было оборудовано джакузи. Сколько Гера ни думал, никак не мог найти принципиальной разницы между собой и героем анекдота.

Глава 3

Гоча Воркун не рискнул подъехать к самому дому. На лужайке скопилось много воды, и его вишневая «шестерка» увязла бы, как муха в сметане. Он зашел на веранду, отчего задрожал табурет с ведром, и, не глядя Гере в глаза, спросил:

- Ну, что там?
- Где? – уточнил Гера.
- Этот... говорил с тобой?
- Следователь?
- Я разве непонятно выражаюсь?
- Говорил.
- Послушай, а ты «Москвич» того козла сделал?
- Нет, меня Макс отпустил.
- Что он тебе говорил?
- Кто? Следователь?
- Нет, Макс!

Гера плохо настроился на разговор с хозяином и не понимал его.

- Водку жрешь, – пробормотал Гоча, скользнув взглядом по столу.
- Налить?
- Нет, спасибо, я ужинал... Что тебе Макс говорил?
- «Иди домой!»
- Про «Ауди» что-нибудь говорил?
- Нет.
- А ты ничего из его вещей не находил? Пейджер или органайзер?
- Пейджер? Нет, пейджер не находил, – соврал Гера.
- Ну ладно. Давай завтра без опозданий. Будем эту пофигень разгребать.

Он хлопнул дверью. Гера смотрел в окно, как «Жигули» вишневого цвета задним ходом катятся по узкой, размытой дождем грунтовке. Бодя, которого опять послали за водкой, отступил на самый край, пропуская машину, и низко поклонился хозяину. Глина под его ногами стала деформироваться, как пластилин, и строитель по колени ушел в кюветную жижу. Гера, открыв окно, свистнул, но Бодя не услышал.

* * *

Несколько секунд он прислушивался к жесткому писку. Казалось, что радиоприемник поймал сигналы первого искусственного спутника Земли, но у Геры не было приемника, а первый искусственный давно сошел с орбиты. Тогда Гера приступил к пеленгации и, действуя методом «горячо-холодно», быстро отыскал в своих мокрых джинсах, брошенных на веранде, пейджер Макса. Маленькая черная коробочка с дисплеем надрывно пищала, требуя внимания к себе.

Он взял ее в руки, испытывая странное чувство. На дисплее, как рыбы подо льдом, застыли буквы. Кто-то адресовал их человеку, судьба которого была ужасна. «НАШЛА, ЧТО ПРОСИЛ. ВЫЕЗЖАЮ ИЗ КОЛОМЕНСКОГО. ПЕРЕЖИВАЮ ЗА ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕЧИШКА МОЙ! БУДУ В 18.00».

Было без четверти пять. Этой особи женского пола, которая уже выехала к Максиму из Коломенского, через час с лишним предстояло пережить потрясение. Гере стало ее жалко больше, чем Макса.

«Почему он не носил пейджер с собой?» – подумал он.

«ПО ВОПРОСУ ВАКАНСИЙ В «ЛАДА-СЕРВИС»: ЗАПИСЬ НА СОБЕСЕДОВАНИЕ ПО ВТОРНИКАМ С 10 ДО 12 ЧАСОВ».

Он «листал» сообщения в обратном порядке. Это чем-то напоминало чтение чужого дневника, но совесть его не возражала.

«ГОТОВЬСЯ К ПРИЕМУ БОМБОВОЗА. SL-КЛАСС. СВЕЖАК. СПЕЦСВЯЗЬ, ESP, ASR, НАППА, ДОЖДЕВОЙ ДАТЧИК И Т.Д.». Это сообщение пришло в одиннадцать часов сорок пять минут минувшей ночью. Макс его принял.

«ВСЕ РАБОТЫ ПРЕКРАТИТЬ. НЕМЕДЛЕННО ОТОГНАТЬ МАШИНУ К ПЛАТФОРМЕ «ЧЕРНАЯ РЕЧКА». В 7 УТРА ЖДУ НА РАБОТЕ». А это пришло уже в первом часу ночи. Тоже принято.

«ПО ВАШЕМУ ЗАПРОСУ СООБЩАЮ: СТОИМОСТЬ ЭЛЕКТРОДУГОВОЙ ПЛАВИЛЬНОЙ ПЕЧИ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ СОСТАВЛЯЕТ...»

Гера отключил пейджер и сунул его под подушку. В чужом дневнике было темно, как в ночи. Хорошо, что у него не было такой игрушки. Если дождь будет лить всю ночь, то к его домику по раскисшей грунтовке не пробьется даже джип. И никто его не загрузит своими проблемами. Ни Гоча, ни переживающая особь женского пола, ни продавцы электродуговых печей.

Дождь, однако, вскоре закончился. Гера вышел на крыльцо. В воздухе пахло мокрой землей, сочной травой и прелой древесиной. Из дверных щелей первого отечественного кабриолета хлестали струи воды.

Вытащив из-под крыльца ящик с инструментами, он достал из него обрывок провода с вилкой на конце и зачистил провода. В пустую консервную банку из-под сельди плеснул бензина. Потом воткнул вилку в розетку и, поднеся оголенные провода к банке, замкнул их.

Бензин вспыхнул, как от спички. Где-то на втором этаже с сухим щелчком «выстрелили» пробки. Свет на веранде погас. Гера столкнул ногой горящую, как ритуальный факел, банку с крыльца и накрыл ее мокрой тряпкой.

Значит, несчастный случай?

* * *

Хорошая лыжная шапочка. Даже при двадцатиградусном морозе с ветром мозги в ней наверняка будут функционировать нормально. Если очень холодно – можно опустить отворот и закрыть уши. А если натянуть еще ниже...

Гера натянул шапочку на голову так, чтобы нижний срез достал до плеч. Потом провел по ней ладонью, нащупал глаза, нос и рот. Глаза надо вырезать обязательно. А нос нет... Можно ограничиться узкой щелью для дыхания и обвести ее снаружи красной эмалью. Получится очень страшно.

Он вырезал две дырки и через них посмотрел на закат. Мир остался прежним. Потом он подошел к зеркалу. На него глянуло несуслазное существо, похожее на палача или на клоуна. «Годится!» – подумал Гера.

Маскарадный костюм дополнили поношенные вещи хозяйки дачи, которые Гера нашел на чердаке. Спортивное трико с отвислыми коленками, кирзовые сапоги с подвернутым верхом и черный болоньевый плащ, который шуршал, как осенняя листва в лесу. Плащ и шапочку он спрятал в большую спортивную сумку, туда же кинул газовый пистолет, выполненный в стиле револьвера «магнум».

В овраге было сыро. Земля не хотела держать на себе человека, как необъезженный конь наездника. Все вокруг было мягким и податливым. Гера долго взбирался по насыпи на

рельсы. Тяжелые капли барабанили по листьям клена. Красными светофорами под ногами светились ягоды земляники.

Он шел к палатке строителей со стороны леса, на ходу надевая шапку и плащ. Пояса не оказалось, и он перетянул себя бельевой веревкой. Деревья, едва он прикасался к их стволам, окатывали дождевой водой. Было тепло. Грели водка и энергичные движения.

Когда за деревьями показалось оранжевое пятно палатки, Гера поднял воротник и вынул из сумки газовую хлопушку. Он уже слышал приглушенные голоса. Залитый дождем костер дымил, как маленький вулкан. Гера пошел быстрее. Шелест плаща и треск веток под его ногами должны заранее были сломить волю строителей.

Палатка больше напоминала огородный парник. Ее провисшая крыша была насквозь мокрой, а рваные куски полиэтилена защищали от воды лишь вход. Бодя сидел на корточках посреди вытоптанной полянки и пытался раздуть огонь. Приставив к непричесанной голове строителя пистолет, Гера протянул сумку. Бодя все понял и покорно полез в палатку за деньгами. Как только он исчез в ее сыром нутре, разговоры стихли.

Гера ударил ногой по деревянной опоре. Палатка, как мокрый пес, брызнула во все стороны фонтаном.

– Щас! Щас! – испуганно закричал кто-то из строителей.

Они едва слышно перешептывались. Гера в маске отошел от входа на пару шагов. «Не хватало еще, чтобы они, воодушевленные моими же советами, вдруг напали на меня», – подумал он. Наконец из палатки вылетела к его ногам сумка. Он поднял ее и раскрыл.

– Мало!

Бодя высунул голову. По его лбу катились дождевые капли. Глаза, как незабудки, были окружены лучиками морщин. Красный, как и положено, нос смотрел слегка в сторону. На обувном шнурке, сдавливающем худую жилистую шею висельной петлей, раскачивался алюминиевый крестик.

– Больше нема, – произнес Бодя жалким голосом. – Хозяин оштрафовал за то, что мы крышу в срок не сделали. По сотне с каждого снял. Ей-богу, нет ничего. Вот на ужин себе купили... У меня даже на сигареты не осталось...

Это было ужасно. Гера не помнил, когда еще испытывал такую жалость к человеку. Закинув сумку на плечо, он махнул пистолетом, приказывая Бодю исчезнуть с глаз долой. Затем закрыл на входе «молнию», кинул на тлеющие угли мокрую еловую лапу и подумал: «На сегодня хватит несчастных случаев».

* * *

Не успел он сделать и двух шагов, как услышал свист. По тропе вдоль лесополосы к нему бежали двое рослых парней. Черные джинсы, черные ветровки, бритые наголо головы, черные очки на глазах.

Гера сразу понял, кто это такие, и, помахав конкурентам рукой, кинулся в заросли. Ему показалось, что он бежал сквозь строй казаков с нагайками. Если бы не маска на лице, имел бы физиономию в красную полоску. Плащ, развевающийся на нем как бурка, жалобно трещал и оставлял на кустах и колючках лоскуты ткани. Приходилось прыгать, как горному козлу в период брачных боев, чтобы не застрять в валежнике. Сумка вращалась над его головой, как пропеллер.

– За мной!! – кричал он, непонятно чему радуясь.

Где-то сзади громыхнул выстрел. Гера, чтобы не показаться самому себе слишком храбрым, ойкнул и, пригнувшись, открыл ответный огонь, отравляя за собой воздух нервно-паралитическим газом. В еловых зарослях ему пришлось опуститься на корточки и продолжать отступление в позе жизнерадостного орангутанга. А по склону, присыпанному пре-

лыми листьями, он покатился, как ежик с горки. Лямки сумки намотались на шею, в рот набилась земля. Сплевывая ее, Гера кинул сумку в глубокую проталину и засыпал листьями.

Земля под ним задрожала – электричка, приближаясь к платформе «Черная речка», засвистела тормозами. Работая всеми конечностями сразу, он взбежал на насыпь и, дождав-шись, когда мимо проскочит последний вагон, побежал по гравию вслед за поездом. Когда замыкающий электровоз поравнялся с ним, Гера перескочил через рельс и ухватился за бам-пер.

И лес, и шпалы, и тучи с дождем понеслись назад. Электричка закачалась, застучала на стыках. Он, дыша часто и шумно, голодными глазами смотрел на этот удаляющийся сырой мир, похожий на свежий салат. Лысых не было видно. Они не портили своей внешностью природу.

Гера спрыгнул на шпалы, когда электричка поравнялась с платформой и остановилась. Нырнув под платформу, он стащил с себя шапочку, плащ и бросил их в лужу.

На платформу он поднялся уже другим человеком – беззаботным и неторопливым. На нем была сухая голубая майка, сухие волосы аккуратно причесаны – как и положено пасса-жиру, только что вышедшему из вагона. Поглядывая по сторонам, он пошел по тропе вдоль рельсов. Пахло мазутом и цивилизацией. Гравий шуршал под ногами. Он мечтал о пиве, но вынужден был идти в противоположную сторону от станционного ларька, в котором торго-вала Ламантина.

Не успел Гера отойти от станции на сто метров, как на насыпь поднялись двое парней в черном. Выглядели они неважно. Зло сплевывали и нервно курили. Гера смотрел на них взглядом священника, отпускающего грехи. Они сближались. Парни по-прежнему были в очках и видели мир черным.

– Который час, ребята?

«Ребята» ничего не ответили и молча прошли мимо. У одного из них физиономия была ужасно неприятной: узкий лоб, выпуклые надбровные дуги, тонкие губы и скуластые щеки. Классический уголовный элемент. А второй был похож на Чебурашку – у него так лихо тор-чали уши, что на них могли бы легко удержаться еще три пары очков. Нос был вздернут кверху, словно по нему часто били апперкотом – снизу-вверх. Подбородок вялый, неразви-тый. Такую физиономию замаскировать очень трудно, темные очки никакой роли не играют.

Парни поднялись на платформу, по деревянной лестнице спустились к ларьку и сели в «Жигули» вишневого цвета на заднее сиденье. Лузгая семечки, которые оказались в кармане трико, Гера проводил глазами хорошо знакомую машину.

К палатке он вернулся тем же маршрутом. Строители сидели внутри своего убогого жилища тихо, как мыши. Гера раскрыл «молнию» и просунул руку с деньгами внутрь.

– Лавэ вокруг палатки валяются. Вы что, ими костер распаливаете, миллионеры?

Глава 4

– Ты теперь все время будешь звонить мне по ночам?

– А что прикажете делать? Я не могу выйти к телефону днем.

– И долго ты так собираешься жить?

– Черт его знает! Запутался... Помоги мне, пожалуйста! Ты же в Высшей школе милиции работаешь!

Назарова про себя усмехнулась и подтянула одеяло к подбородку. Из открытой балконной двери тянуло сырым ночным воздухом. По листьям старой липы, растущей у самого балкона, шлепал дождь. Пахло горькой смолой.

– Хорошо, – сказала она. – Чтобы ты жил спокойно, тебе надо умереть официально.

– Что?!

– Успокойся, это не так страшно, – ответила Назарова и, придерживая трубку плечом, обвела карандашом в записной книжке номер телефона телестудии. – В пятницу я приглашена в качестве эксперта на съемки телепередачи «Исповедь». И там мы ненавязчиво назовем твоё имя в числе тех, кто стал жертвой наемного убийцы... Слушаешь меня? Дай мне телефоны и адреса всех твоих сотрудников по мастерской. Я приглашу их на съемки передачи. Все будет как бы официально. Ни у кого даже сомнений не останется... Почему ты молчишь?

«Не согласится», – подумала Назарова и почти отгадала.

– Каких сотрудников? – задумчиво произнес Макс. – В принципе, кроме хозяина и одного молодого парня, у меня нет сотрудников.

– Тогда телефоны твоих любовниц, друзей, – легко произнесла Назарова, но эта легкость далась ей через силу, и карандаш как бы сам собой сломался в ее пальцах.

– Пиши: Назарова Римма Фаизовна, – отделался шуткой Макс. – Да нет у меня никого! Разве что этого молодого пригласи. Герасимов его фамилия. Домашнего телефона у него нет, он живет на даче, а найти его можно на кафедре журналистики Гуманитарного института.

– Прекрасно, Герасимов. А еще?

Связь внезапно оборвалась. Назарова едва сдержалась, чтобы не кинуть трубку на пол. «Это не случайно, – поняла она. – Он скользкий, как угорь. Голыми руками не возьмешь».

Она погасила бра, но еще долго не могла уснуть. Время шло, а ее преследовали одни неудачи. «Исповедь» – это залп из пушки по воробьям, – думала Назарова. – Шансы, что он увидит ее, ничтожны. Он слишком занят, чтобы смотреть телевизор, и тем более такую ерунду. Поэтому его надо будет подвести к экрану, подтащить силой, угрозой, чем угодно...»

* * *

Было скучно. Гера жалел о потерянном времени. Микрофон все время хватала полная женщина с первого ряда. Ее голова была выкрашена в кричаще-желтый цвет и напоминала майский одуванчик. Она задавала вопросы, от которых Гере становилось стыдно.

– Вот скажите, а мама у вас была? Прямо отвечайте, в глаза смотрите! Я вот, например, не верю, что у вас была мама...

Может быть, когда «Исповедь» смонтируют, пригладят, вычистят и запустят в эфир, то по телевизору она будет смотреться интереснее. Но сейчас, во время съемки, Гера был близок к тому, чтобы принять судьбоносное решение и пересмотреть свои планы относительно журналистики. В студию он пришел не по своей воле. Утром куратор сказал ему:

«Вот аккредитация. Пойдешь на съемки передачи «Исповедь». Потом напишешь хвалебную рецензию. Сделаешь все как надо – будешь иметь в семестре «отлично» по практике».

Гера попытался уточнить, а как именно надо сделать, но куратор кинул на него недоуменный взгляд и пожал плечами.

Это предложение Гере сначала понравилось. Но полчаса спустя после начала съемок он стал понимать, что журналистика – это не для него.

– Что вы все время ерзаете? – шепотом спросила коротко стриженная девушка, сидящая рядом с ним с диктофоном в руке. Темные очки она подняла на лоб, и со стороны казалось, что это произошло помимо ее воли от крайнего удивления.

– В туалет хочу, – шепнул Гера в ответ.

Он не мог понять, откуда у ведущего передачи было столько терпения и тактичности, чтобы с завидным вниманием слушать ересь, которую несла майский одуванчик, и даже ни разу не покраснеть от стыда.

– Вы так считаете? – мягко уточнил он и, не вступая в спор, пошел по залу, держа микрофон, словно блюдо с сомнительными кулинарными качествами. – У кого на этот счет есть еще мнение?

У соседки Геры неожиданно оказалось свое мнение. Торопясь и сбиваясь, она сказала, что в жизни случаются моменты, когда человек становится одиноким и от отчаяния начинает вершить страшные дела.

– Значит, вы его поддерживаете? – вежливо подвел к выводу ведущий.

– Я? – удивленно спросила девушка, словно все это время говорила о другом человеке. – Я не могу ответить так вот сразу, определенно...

– Да сядьте вы, наконец! – шепнул ей Гера, скользнув взглядом по ее ногам, обтянутым телесного цвета колготками. – Вы уже попали в кадр.

– А я вас не спрашиваю! – зло ответила девушка, опускаясь на стул. – Вам меня не понять!

Она сказала это слишком громко, и несколько зрителей, сидящих рядом, с опаской покосились на Геру. Он пожал плечами и развел руки в сторону: мол, простите, что я такой, постараюсь исправиться.

– Нет желающих? Тогда обратимся к нашей маске, – продолжал ведущий, плавно дефилируя по залу. – Что предопределило выбор вашей профессии, если, конечно, так можно назвать род ваших занятий? Стал ли он, этот выбор, результатом какого-либо душевного потрясения, жизненной коллизии или драмы? Или же вы определили свое предназначение, совершенно ясно осознавая, что никакую иную роль вы не сможете сыграть столь блестяще?

«Нет, – подумал Гера уже с полным убеждением, – журналистика не для меня. Никогда я не смогу говорить так гладко и умно, как этот импозантный мужчина!»

Человек в маске, напоминающей рыцарский шлем, сидел на стуле неподвижно и в неестественной позе, словно ему между лопаток упиралось лезвие ножа. Он был одет в черный спортивный костюм, который кое-как маскировал его женоподобную фигуру; руки обтягивали тонкие лайковые перчатки; шею закрывал шарф, намотанный словно бинт.

– Мне кажется, что ваше сравнение с игрой не совсем корректно, – раздался из динамиков искаженный голос человека в маске. – Я не играю. Ничего общего с игрой моя профессия не имеет. Что касается предназначения, то и это слово не совсем точно определяет мотивы моего выбора. Никто никогда не узнает своего истинного предназначения...

– И все-таки мы отвлекаемся от главной темы, – перебил ведущий. Маска разговори-лась, многие ее слушали с раскрытыми ртами, но ведущему хотелось, чтобы так слушали его. – Мы говорим не только, а точнее, не столько о моральной стороне профессии киллера и тем более не о правовой основе убийства. Нам бы хотелось разобраться в другом... Вот

вы говорите: никто и никогда не узнает своего истинного предназначения. Означает ли это, что вы, если бы сложилась иная ситуация, с таким же успехом могли бы работать не во вред, а во благо общества?

- А я как раз и работаю во благо общества.
- Вы убиваете!
- Я привожу в исполнение смертные приговоры.
- И кто, позвольте уточнить, эти приговоры выносит?
- Объективная справедливость.

Ведущий задумался. Возникла пауза. Гера зевнул слишком откровенно. Соседушка покосилась на него и сдвинулась на край стула, словно поведение молодого человека могло ранить ее хрупкую и нежную душу.

– Мы подошли к очень важному моменту, – сказал ведущий. – Объективная справедливость. Все ли из нас в достаточной степени осознают, какую социальную опасность представляет из себя вольное трактование этого, казалось бы, безобидного понятия? А бывает ли вообще справедливость объективной? Кто хочет высказаться? В третьем ряду молодой человек?

В этот момент Гера прикидывал, как лучше выбраться из зрительного ряда, чтобы не попасть в кадр и не отдавить ноги зрителям. Ведущий воспринял его нетерпеливое скольжение задницей по стулу как желание высказаться и уже направился к нему, но Гера отчаянно покачал головой. Ведущий профессионально повел взглядом по рядам и зацепился за худенького школьника в очках, который сидел во втором ряду, как раз под ногами Геры. Камера уставилась в их сторону своим циклопическим глазом. Гере пришлось сосредоточиться, выровнять спину и сделать умное лицо.

– Если бы справедливость была объективной, то на земле никогда бы не существовало судов и все конфликты решались бы легко и быстро, – едва слышно, очень серьезным голосом произнес школьник. Наверное, он был отличником. Отличники никогда не улыбаются, у них нет детства. – Но вся беда в том, что справедливость – это мутация инстинкта сохранения, который отвечает за благополучие только вверенной ему особи и игнорирует интересы всех остальных...

«Ну все! – подумал Гера. – Больше нет сил терпеть. Мутация инстинкта – это уже слишком!» Красный огонек над камерой продолжал гореть, и школьник, не встречая сопротивления и возражений, продолжал его раздувать, как уголек, своим зрелым суждением.

Гера не мог шелохнуться, словно в него был направлен ствол безоткатного орудия. Соседка ритмично кивала головой, демонстрируя солидарность с витиеватой позицией юного вундеркинда, и тянула руку с диктофоном вперед, чтобы записать каждое его слово, каждый вздох. «Ей бы рядом с ним сидеть, а не со мной!» – мысленно посочувствовал девушке Гера. Он стал думать о воле и настырном клиенте, который достал его своей «девяткой» с дефективным карбюратором. Третий день подряд Гера пытался вдохнуть в машину жизнь. Мастерская была наполнена запахом гари и матом.

– Обратите внимание: справедливость – это химера, – сказал ведущий, вновь привлекая внимание студии к себе. – Каждый по-своему справедлив, но человечество в целом несправедливо в принципе. Можно ли в таком обществе вообще говорить об убийстве как способе наказания за провинность?

Камера повернулась вокруг своей оси и нацелилась на человека в маске. Гера, уловив момент, стал пробираться к выходу.

– Мою справедливость определяет моя совесть, – ответил человек в маске. – Прежде чем принять заказ и приступить к его выполнению, я требую от заказчика объяснений.

- И вы уверены, что заказчик скажет вам правду?
- Я доверяю интуиции. Она меня никогда не подводила.

– Вы – страшный человек...

– Справедливость, как и правда, страшна.

– Скажите, а вы смогли бы сейчас снять маску?

– Нет.

– Вы боитесь правосудия?

– Я боюсь славы и популярности. Не хочу, чтобы на меня показывали пальцем в метро. Боюсь новых заказов – я завален работой выше крыши. А правосудие бессильно чем-либо навредить мне, потому что доказать мою причастность к убийствам невозможно. Я не оставляю ни следов, ни улики. Я никогда не повторяюсь.

– То есть вы, говоря языком профессионалов, – мастер? – оживился ведущий. – Вы могли бы привести пример своего мастерства?

Гера уже шел вверх, к шторам, за которыми, как ему казалось, можно было найти выход из студии. «К черту! К черту! – думал он. – Рожденный ползать летать не может. Пусть рецензии пишут юные вундеркинды... Жрать хочу – умираю!»

– Пример? – отозвался за его спиной человек в маске. – Хорошо, я попробую рассказать... Недавно я получил задание ликвидировать человека, работающего в сфере обслуживания. А заказчиком был профессиональный политик. О нем я расскажу отдельно...

За шторами выхода не оказалось. Деревянный настил обрывался, как внешние стены античного амфитеатра. Внизу громоздились фанерные декорации. Пахло пылью и мышами.

– ...я выбрал себе роль клиента. Его появление рядом с жертвой всегда мотивировано. Но самое главное, я поставил дело так, чтобы сама жертва была заинтересована хранить время и место нашей встречи в тайне...

Гера пошел по краю настила к противоположной стороне «амфитеатра». Из-за штор, отделяющих его от зрительного зала, проникали голос человека в маске, покашливание зрителей и волна парфюмерных запахов.

– ...никогого оружия, никаких контрольных выстрелов в голову. Убийство было замаскировано под несчастный случай. Я – клиент. Он меня обслуживает...

Почесывая щеку, Гера посмотрел вниз, на сложенные штабелем звенья строительных лесов. Прыгать на них с трехметровой высоты – все равно что с «тарзана» без резины. «А что у меня есть в холодильнике? – подумал он. – Кусочек сливочного масла и полкило костей, которые почему-то называются суповым набором. Слово-то какое: набор! Из каких таких продуктовых запасов его набирали?»

– Все очень просто. Надо знать психологию работника сферы обслуживания. В контакте с клиентом он думает только о том, как больше содрать с него денег. И потому никакой настороженности...

Гера, сев на край настила, свесил ноги вниз и покачал кроссовками в пустоте. «Надо же, какой умный! Все ты знаешь и предвидишь. А вот как спрыгну сейчас на эти железные трубы, так посмотрим, сколько зрителей останется на своих местах».

– В тот день на моей жертве была синтетическая майка с надписью «Don't let me down» китайского производства – очень удобная вещь для факелов и костров. Горит долго и с высокой температурой. Я облил его бензином и кинул тлеющую сигарету. Дело происходило на складе, где было много бочек с бензином. Человек был курящим, задолго до нашей встречи я выяснил, что он курит легкие шведские сигареты «Блэнд» с ментолом. Бензин и сигарета, которые сделали свое дело, были естественными вещами. Пожар уничтожил все улики, если, конечно, они вообще были. В том числе и пейджер, на котором было мое предупреждение о приезде...

Гера повис на руках и разжал пальцы. Все его восемьдесят кило приземлились на трубы. Звенья были крепко стянуты и даже не звякнули. Но ему показалось, что над студией

оглушительно лязгнул колокол и колокольный язык всей своей массой обрушился ему на голову.

* * *

Минуту он сидел на штабеле черных труб, пытаясь сосредоточиться. Что этот черт в маске наплел? «Блэнд»? Сфера обслуживания? Бензин? Облил бензином и кинул зажженную сигарету? И все это происходило на складе?!

Гера схватился за голову и почувствовал, как его прошиб холодный пот. «Мать честная! Да эта же сволочь убила Макса! Все сходится! Несколько дней назад... Сфера обслуживания... Склад... Пожар...»

– К сожалению, время нашей передачи подошло к концу, – долетел до него приглушенный шторами голос ведущего. – В следующей передаче мы поговорим о заказчиках убийств. Кто эти люди? Политики? Бизнесмены? Или просто обиженные? Точку в нашем разговоре ставить рано...

«Какую точку! – чуть не закричал Гера. – Хватать надо этого мерзавца и надевать ему наручники! Сам ведь во всем признался! Ничего доказывать не надо! Уже завтра можно судить!»

Он метался за шторами, ожидая, когда прозвучат заключительные аплодисменты. «Что делать? Надо позвонить в милицию! Надо задержать этого киллера под любым предлогом! Вот же идиот! Он дал показания перед десятком свидетелей да еще запечатлел их на камеру! Какой самоуверенный болван!»

Гера, опустившись на корточки, приподнял нижний край шторы. Человек в маске встал, повернулся к зрителям спиной и пошел в проем, изображающий бутафорные крепостные ворота. Обе камеры провожали его. Зрители молчали. Ведущий все еще держал микрофон у рта. Он готовился подвести итог передаче. Что бы он ни сказал, его слова будут на космическом расстоянии от истины. Он не знал главного: этот самоуверенный убийца попался.

Человек в маске скрылся в проеме, залитом кроваво-красным светом. Лупоглазые камеры развернулись к зрителям.

– Так какова цена человеческой жизни?... – начал философствовать ведущий.

«Может быть, выйти к камерам и объявить, что мой друг был убит этим киллером?» – думал Гера. Решимости поубавилось. Неизвестно, как поведет себя убийца, когда его попытаются задержать. «Кто его знает, может быть, у него «пушка» за поясом... А куда ведет этот проем? Не может быть, чтобы сразу на улицу. Должна же там быть какая-нибудь гримерная, гардеробная...»

Подойдя вплотную к стене и отодвинув в сторону край шторы, он посмотрел на зрителей. Все были увлечены финальной сценой. Никто не проявил к Гере интереса. Он мысленно сосчитал до трех и выскочил на сцену. Ведущий говорил о библейских заповедях. Он заметил Геру краем глаза, но съемку не остановил. Камеры продолжали работать. Гера быстро шел по следам киллера. Спина от недоуменных взглядов зрителей онемела. Он попал в красный луч прожектора, словно окунулся в ванну с кровью. Декорации надвигались, словно ворота в ад. Розовый туман обволакивал ноги. В проеме стоял легкий запах терпких духов. Все вокруг было нереальным, фантастическим, и Гере казалось, что едва он зайдет в проем, как окажется в загробном царстве, где бал правят убийцы, маньяки и людоеды.

Но за проемом оказалась темная штора, а за ней – узкий коридор, освещенный лампами дневного света. Пожилой мужчина, сидящий за письменным столом, заставленным телефонными аппаратами, вскочил со стула и, широко расставив руки, крикнул:

– Стой! Сюда нельзя! Вы кто такой?

Коридор был не в такой степени узким, чтобы мужчина мог полностью перегородить его собой. Гера оттолкнул его руку.

– В милицию позвоните! Срочно! – взволнованно сказал он. – Где этот гад в маске? Куда он пошел?

Он побежал и едва не сбил с ног женщину в парике и очках. В одной руке она держала чашечку с кофе, а в другой – зажженную сигарету.

– Сумасшедший! – предположила она.

– Остановите его! – крикнул пожилой мужчина.

Гера наделал слишком много шума. И киллер наверняка уже успел покинуть телецентр...

Коридор уходил в сторону. Гера свернул и на секунду остановился, ослепленный светом, идущим из торцевого окна. Ему навстречу быстро шел милиционер. Сзади сотрясал пол пожилой охранник.

Чувствуя себя, как Мюнхгаузен между львом и крокодилом, Гера круто повернулся и распахнул единственную дверь, которая оказалась на его пути.

И обмер. В небольшой комнате, чем-то напоминающей зал парикмахерской, перед зеркалом, заставленным косметикой, стоял человек в маске. Он стоял к двери спиной, а на Геру смотрело его отражение. В глубоких прорезях блестели глаза. Губы, наполовину прикрытые металлом, были крепко сжаты. В напряженной позе угадывалось ожидание развязки. Гере показалось, что киллер знал, что к нему сейчас придут. Не было ни возмущения, ни вопросов, ни требований немедленно выйти из комнаты.

Убийца медленно поднес руку к маске. Гера успел заметить, что рука его была тонкой, изящной, как у больного худого мальчика. Он коснулся маски и потянул ее наверх. Длинные волосы, спрятанные под маской, рассыпались по плечам. Гера едва не вскрикнул. Это была женщина.

– Ну, – произнесла она, поворачиваясь к нему лицом. – Что дальше?

– Это ты? – пролепетал Гера, уже не вполне уверенный в том, что на сцене в маске сидела именно эта женщина.

– Разве мы уже перешли на «ты»?

В это время дверь с грохотом распахнулась, и в комнате сразу стало тесно и шумно. Первым вошел милиционер. Широкими шагами он приблизился к Гере и, крепко обняв его за плечи, словно намереваясь представить к награде, потянул к выходу.

– Все! Все! – безапелляционно проговорил он, словно Гера возражал. – Никаких разговоров! Немедленно выйдите из служебного помещения.

– Палыч! – спокойным голосом обратился к милиционеру невесть откуда появившийся ведущий. – Спасибо. Оставь их, мы сами во всем разберемся.

– Юрий Александрович! – продолжал возмущаться милиционер, все еще обнимая Геру. – Ни пропуска, ни разрешения... Да директор мне голову оторвет!

– Под мою ответственность! Они слишком взволнованы...

Между милиционером и ведущим вдруг откуда-то появилась коротко стриженная девушка, та самая, которая сидела рядом с Герой.

– Я никуда не уйду! – пронзительным голосом проговорила она. – Пять минут ничего не решают! Вы сами журналист и обязаны оказывать прессе содействие! Вы унесете меня отсюда только с этой дверью, имейте в виду!

– Такого еще не было! – возмущался милиционер Палыч.

– Все будет хорошо! – вежливо говорил ведущий. – Я прошу всех успокоиться!.. Палыч, ты пугаешь их своим видом!

Женщина у зеркала, присев на трельяж, закурила и кинула зажигалку в маску, которая лежала перед ней, как большая пепельница. Гера поймал свое отражение в зеркале. Физио-

номия у него была красной, словно он только что вышел из парной. Молодая журналистка за его спиной размахивала диктофоном и отталкивала от себя Палыча. Милиционер не знал, что делать. Гера ему подсказал:

– Лучше будет, если вы все-таки останетесь. И наручники приготовьте.

– Иди, Палыч, иди, – возразил ведущий. – Придется все объяснить молодым людям. Они пробудут здесь не больше трех минут.

Милиционер развел руками, мол, воля ваша, и вышел. В гримерной остались Гера с журналисткой, женщина, снявшая маску, и ведущий.

Ведущий вздохнул. Здесь он смотрелся непривычно. Ему не хватало микрофона. Гере казалось, что ведущий не сможет без него говорить и будет лишь беззвучно раскрывать рот, как рыба.

– Друзья мои, – сказал он, обращаясь одновременно к журналистке и к Гере. Должно быть, он решил, что они вступили в сговор. – Вы, как я понял, журналисты, и потому я буду разговаривать с вами как с равными. Как коллега с коллегами.

Журналистка еще не пришла в себя после атаки и нервными движениями протирала платком стекла темных очков с круглыми линзами. Глаза ее беспокойно бегали. Она была уже у цели – держала синицу в руках, – но была напряжена, ожидая подвоха.

– Представьтесь, пожалуйста! – попросил ее ведущий. – Какую вы представляете газету?

– «Мир молодежи», – ответила журналистка и ловким движением поменяла в диктофоне кассету. – Дина Стеблина, специальный корреспондент.

– А вы? – обратился ведущий к Гере.

Секундное замешательство. Интуитивно почувствовав, что если будет идти напролом, то может оказаться в смешном положении, Гера кивнул головой и не совсем уверенно ответил:

– Я... я учусь на факультете журналистики...

– Прекрасно, – недослушал его ведущий. – Тогда представлю вам нашу гостью еще раз. Диктофон прошу не включать...

Он повернулся к женщине. Гера только сейчас рассмотрел ее внимательно. Она была стройной кареглазой шатенкой лет тридцати. Тонкий нос с широкими крыльями несколько выпирал вперед, но не портил ее лица. Губы были слегка округлены, словно женщина собиралась удивленно произнести «О-ля-ля» или же поцеловать ведущего. В ее расслабленной позе, но атакующем взгляде, а также уверенности, с какой она подносила сигарету к губам и стряхивала пепел в маску, чувствовалась властная и прямолинейная натура. Она влекла к себе скрытой эмоциональной энергией. «Похожа на татарку», – подумал Гера.

– Римма Назарова, – представил ее ведущий. – Актриса театра современного монолога. Мой давний хороший друг.

Он сделал паузу. Гера запутался. Римма Назарова не сводила с него глаз. Гера смущенно отвел взгляд.

– Позвольте, – с придыханием произнесла журналистка и кинула взгляд на Геру, словно призывала к поддержке и солидарности. – Это что же получается? Вы нас разыграли? Вы издевались над зрителями? Вы откровенно лгали публике, выдавая это за откровения?..

– Стоп, стоп, стоп! – учтиво перебил ведущий. – Давайте для начала разберемся в терминах. Вам, как начинающим журналистам, это будет очень полезно.

Гера заметил, что ведущий был взволнован, хотя старался это скрыть.

– Во-первых, никакой лжи не было. Все, что было сказано о работе киллера, – правда. Во-вторых, наша передача не ставит перед собой целью показать зрителям живого киллера. У нас не зоопарк. Суть передачи в диалоге. Суть в истине, которую я как ведущий, Римма

Назарова как исполнительница роли киллера и вы, зрители, будем находить совместными усилиями. Истина – вот тот самый краеугольный камень...

Аргументов у ведущего не было, и он медленно скатывался на пафос.

– Да это же профанация! – прошептала журналистка, искренне потрясенная открытием. – Вы представляете, что будет, если об этой подмене узнают зрители? Как же вы к ним относитесь? Они же для вас быдло, стадо...

– Успокойтесь, девушка, – вмешалась Римма, чувствуя, что позиция ведущего весьма шаткая. – Не надо драматизировать то, что стало вам известно. Вы слишком молода, немного наивна и глупа. Потому и воспринимаете все так остро.

Ведущий предпочел не вмешиваться.

– Присядьте, – предложила Римма. – Три минуты мы, конечно, не ограничимся. Не стоило вас вообще сюда пускать, но раз так вышло...

«Если Римма думает, что я такой же журналист и озабочен лишь обманом зрителей, то она глубоко ошибается, – подумал Гера. – У меня такая бомба за пазухой!»

– Скажите, как долго вы уже работаете в газете? – спросил ведущий журналистку.

– Почти год.

– Почти год, – эхом отозвался ведущий и, передвигаясь по комнате, как по студии, спросил: – Вам никогда не приходилось брать интервью, а потом вставлять в текст совершенно другие вопросы? Или, скажем, писать о народных целительницах, как на ваших глазах они поднимают обреченных больных с постели? Или, может быть, про корову из деревни Шпуньково, которая родила собаку? Про жительницу из города Гнилуши, которая после контакта с инопланетянами научилась передвигать предметы взглядом...

– Я всегда пишу правду! – резко ответила журналистка.

– И до сих пор работаете в газете? – вскинул брови ведущий.

– Девчонка! – усмехнулась Римма и кинула быстрый взгляд на Геру.

«Чего пялится? – подумал он. – Но не заметно, чтобы опасалась чего-нибудь. Во взгляде только любопытство».

– Нет-нет! – поспешил поправиться ведущий. – Вы должны меня правильно понять. Есть факт. Естественно, не бесспорный, так как бесспорных фактов не существует вовсе. На этот факт у вас есть своя точка зрения. И вы ее высказываете. Но есть и конструирование факта. Это когда журналист, обобщая набранный им материал, выдает читателям или зрителям некий виртуальный объект, который состоит из реальных фактов. Но тем не менее этого объекта в природе не существует... Я достаточно четко выразил свою мысль?

– Вы лгали публике, что человек в маске – киллер, – жестко сказала журналистка.

– Для вас что важнее: кто скрывается под маской или что он говорит? – проявил наконец некоторую раздраженность ведущий. – Да, под маской был не киллер. А замечательная актриса Римма Назарова. Но она сказала о киллерстве то же, что сказал бы настоящий киллер. Причем сказала намного больше, последовательнее и интереснее, чем это сделал бы оригинал. Вы ведь не назовете профанацией тот факт, что многих актеров кино подменяют дублеры?

– Я все поняла, – глухим голосом ответила журналистка. – Не надо больше ничего говорить. Ваше сравнение некорректно. В кино имя дублера показывают в титрах. Здесь же вы вешали откровенную лапшу на уши зрителям. А если бы признались, что вместо киллера в студии была Римма Назарова, то за вашу передачу никто не дал бы и ломаного гроша. Вы обеспокоены только заработком, а не истиной.

«А эта девчонка – крепкий орешек!» – подумал Гера.

Актриса не выдержала. Она встала с трюмо и, скрестив на груди руки, жестко сказала:

– Вам, девушка, этого пока не понять. И по той простой причине, что вы еще живете на иждивении родителей, и потому, что в ваших незрелых суждениях так много максима-

лизма. Когда вы займете место Юрия Александровича, тогда приведете в студию настоящего киллера, который откровенно расскажет зрителям о своих преступлениях. А мы пока будем довольствоваться суррогатными героями.

Разговор стремительно приближался к финишу. Гера понял, что через несколько мгновений их попросту выставят за дверь. Но до него так и не дошло, откуда актрисе Римме Назаровой стали известны подробности гибели Макса? Сигареты «Блэнд», склад с горючими веществами, пейджер и пожар, уничтоживший все это, – не слишком типичный набор, чтобы можно было поверить в случайность. Но надпись на майке – совпадение просто невозможное! Значит, либо информацию ей представил настоящий киллер, убивший Макса, либо... Либо сама Римма убила его.

– Факты, – произнес Гера. – Откуда вы взяли факты?

– Сценарий я писала совместно с бывшим сотрудником уголовного розыска, – ответила Римма тотчас, глядя на Геру все тем же изучающим взглядом. Он уже не сомневался в том, что она проявляет к нему какое-то скрытое любопытство.

– Удивительно, – пробормотал Гера. – Откуда сотрудник уголовного розыска мог знать, какая майка была на жертве, если труп сгорел до неузнаваемости?

– Про майку я придумала, – ответила Назарова и едва заметно улыбнулась краем рта. – А вас, вижу, что-то сильно тревожит?

– Да нет, уже ничего...

Гера мучился от того, что не знал, за что ухватиться. «Ничего ты не придумала! – мысленно крикнул он ей. – Была на нем такая майка! Была! Признаться или нет, что я видел Макса за несколько часов до смерти? Признаться или нет?»

– Я надеюсь, что наш эмоциональный разговор был всего лишь конструктивным спором профессионалов, – поспешил ликвидировать следы конфликта ведущий. – И Дина Стеблина будет и впредь трудиться во благо торжества истины. Если не ошибаюсь, главный редактор у вас Герман Фризов? Я обязательно позвоню ему и выскажу свое восхищение вами.

– Спасибо, – холодно ответила Дина. – Ему вряд ли нужно ваше восхищение.

– Ему, пожалуй, не нужно. А вот вам... Расстанемся, однако, друзьями!

– Вы не могли бы познакомить меня с человеком, который дал вам информацию? С бывшим сотрудником?... – спросил Гера у Риммы.

– Без проблем, – на удивление легко согласилась актриса. – Я оставлю вам свой телефон. Позвоните мне завтра.

Она протянула ему визитную карточку.

– Палыч! – позвал ведущий, выглянув в коридор. – Проводи наших гостей к выходу.

Дина вышла первой и, закинув ляжку сумочки на плечо, быстро пошла по коридору. Гера брел следом, на ходу рассматривая визитку. «Римма Назарова. Актриса театра современного монолога... Что-то не припомню такого. Впрочем, сейчас всевозможные театры на свет появляются, как грибы после дождя».

* * *

Они с Диной вышли на улицу. Был десятый час вечера. Улицы опустели, дороги очистились от потока машин, и непривычно раздвинулись границы обозримого пространства. Дышалось легко, хотелось надеть ролики и помчаться по шоссе в центр, моргающий желтыми огнями.

Гера все еще был под впечатлением разговора с Риммой. Дина, впрочем, тоже напоминала кипящий чайник.

– А здорово мы на них накатили, да? – спросил Гера.

– Я так этого не оставлю, – пообещала Дина. – За идиотку меня принимают. Врут и не краснеют.

– Назарова не врала, – ответил Гера. – Она рассказала о том, что было на самом деле.

– Что было? – уточнила Дина, кинув на Геру испепеляющий взгляд. – Ты поверил в какого-то сценариста, близко знакомого с киллерами? Да надень на меня маску, и я такого наговорю, что вся студия валидол глотать будет! Все погрязли во лжи! Уже всем известно, что чем больше в газете вымысла, тем интереснее она читается и лучше продается. Телевидение – то же самое.

Гера уже смотрел на Дину с интересом. «Не такая уж она и дурочка, как показалось мне в студии. И мордашка очень даже симпатичная». Дина была невысокой, на полголовы ниже его, фигура как у гимнастки – взведенная пружина. Короткое желтое платье туго обтягивало тело как чулок – ни морщинки, ни складки. Туфли на шпильках...

– Все так, – согласился Гера. – Но убийство, о котором рассказывала Назарова, в самом деле произошло.

– Ничего удивительного, – ответила Дина. – Накануне передачи она прочитала недельную сводку происшествий.

Спорить с ней было трудно. Гера смотрел, как Дина подошла к краю тротуара и подняла руку. Какое-то мгновение он колебался: остаться со своими проблемами наедине или же посвятить в них журналистку, с которой его свела судьба.

– Послушай, – сказал он, притягивая Дину к себе за локоть. – Если ты не будешь так тархтеть, я расскажу тебе что-то очень любопытное.

– Я не тархтеть буду, а реветь танком, – ответила Дина. – Что ты ко мне пристал?

Он нарочно стоял вплотную к Дине, крепко держа ее под руку. Если бы отошел от нее, то тут же образовалась бы очередь из автомобилей, желающих ее подвезти.

– Несколько дней назад, – сказал Гера, – мой друг сгорел на складе автомастерской. Милиция недолго разбиралась и пришла к выводу, что пожар возник из-за замыкания в электропроводке.

– Ну и что?

– А то, что курил он сигареты «Блэнд», носил с собой пейджер и в тот день был одет в красную майку с надписью: «Don't let me down».

– И что ты хочешь этим сказать?

– То, что Назарова если лично не устроила пожар на складе, то имеет прямое отношение к убийству. Никто, кроме убийцы, не мог знать таких деталей.

Дина отпрыгнула от Геры, словно он превратился в поливочную машину.

– Та-ак! – протянула она. – Еще один! Сейчас ты станешь убеждать меня в том, что Назарова все-таки настоящий киллер.

– Нет, не стану...

– Так ты с ними заодно! – не дала закончить фразу Дина. – Они тебя подослали! Думаешь, я тебе поверю?

– Да подожди ты! – крикнул Гера. – Дай хоть слово вставить! Никто меня не подсылал! Я раньше тебя в примерную ворвался! У меня к этой маске свои вопросы были!

Дина, нахмурившись, отвернулась.

– Ты мешаешь мне ловить машину... А кто был твой друг? Кому понадобилось его убивать?

Да, Гера ломал все ее проекты. Дина уже предвкушала, какой сенсационный материал о грандиозном обмане на телевидении она напишет. С каким-нибудь хлестким заголовком вроде: «Маска, выдававшая себя за киллера, оказалась актрисой театра». Или: «Телевидение в маске лжи». А может, так: «Телевидение потеряло лицо. Теперь вместо него маска».

И тут появился Гера и начал утверждать, что Назарова, прикрывавшаяся от зрителей маской, все же причастна к убийству.

Дина покусывала губы и хмурила лоб. Гера подкинул ей сложный тест.

– Ты, конечно, сбил меня с толку, – произнесла наконец она.

– Я всего лишь предлагаю тебе написать правду.

– Да я уже держала эту правду за хвост! – раздосадованно произнесла Дина. – А ты мне все карты спутал.

– За эту правду Герман Фризов наверняка уволит тебя.

– Пусть увольняет! Его газета не единственная в Москве. Я никого не боюсь.

– С трудом верится, – ответил Гера. – За себя можно и не бояться, а за ребенка?

– У меня нет ребенка.

– А за мужа?

– И мужа у меня нет! – выпалила Дина.

– Тогда тебе в самом деле нечего бояться, – согласился Гера, удивляясь, как ненароком выяснил то, что, собственно, выяснять не собирался.

Рядом с ними остановился черный «Фольксваген-Пассат». Бесшумно опустилось тонированное стекло. За рулем сидела Римма Назарова.

– Подвезти? – спросила она, глядя на Геру.

– Не надо, – ответил он. – За нами сейчас «Ягуар» приедет.

– Чао! – кивнула она и взяла резкий старт.

Глава 5

- Ты живешь здесь с родителями? – спросил Гера.
- Нет, с мачехой.
- С отцом и мачехой?
- Нет, только с мачехой. Отец умер.
- Прямо как в сказке. А мама?
- Она отказалась от меня еще в роддоме.
- Что ж так? Ты что, родилась ненормальной?
- Я родилась нормальной. Но вот она была наркоманкой.

Они поднимались в темной кабине лифта. Света не было. Кнопки тоже. Для того чтобы запустить лифт, Дина просунула карандаш в четвертую снизу дырочку на изуродованной панели.

- А мачеха у тебя добрая?
- Очень.

Они вышли из лифта. Площадку от коридора отгораживала двухстворчатая дверь. Стекла в ней не было, и Дина пролезла через проем. Гера последовал ее примеру.

Коридор был темным и длинным, как в общежитии. Гера старался высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться о какой-нибудь непредвиденный предмет. Далеко впереди тускло светилось торцевое окошко.

- Будь нем, как рыба, – предупредила Дина.
- И как долго? – на всякий случай уточнил Гера.
- Пока я о чем-нибудь тебя не спрошу.

Она остановилась так резко, что он едва не налетел на нее. Дина протянула руку в темноту. Раздался звонок. Дверь долго не открывали. Затем клацнул замок.

– Вообще-то я уже собиралась ложиться спать, – раздался недовольный женский голос, и из-за раскрытой двери вывалился тяжелый запах непроветриваемого жилья. – Ты не одна?

Гера не сразу разглядел в прихожей высокую сухощавую женщину в домашнем халате и длинными волосами, расчесанными на прямой пробор, будто женщина собиралась заплетать косы. Прихожая была слишком тесной для трех человек, и Гера, стараясь занимать как можно меньше места, шагнул в угол, где стояла вешалка, и наступил на груды обуви.

– Аккуратнее! – тотчас отреагировала женщина. – Вы все каблучки переломаете! Вы надолго? Кто вы?

Он уже было раскрыл рот, чтобы представиться, но тут вспомнил про совет Дины и молча пожал плечами.

- Это мой коллега, – ответила Дина. – Обувь не снимай!

– Коллега! – с откровенным презрением повторила женщина и достала из оттопыренного кармана халата расческу с застрявшими в ней волосами. Она вытащила их из расчески, скрутила и сунула в карман. Потом начала расчесываться, морщась от боли. – Чай я поставлю, – сказала она Дине, поглядывая на Геру. – Но сахар ты не купила. Еще вчера я тебя об этом просила.

- Пойдем, – сказала Дина.

Она прошла по коридору и толкнула тяжелую белую дверь. Они зашли в комнату. Посреди, словно большая птица, колыхалась голубая штора. Как только Гера закрыл дверь, штора улеглась, и в комнате сразу стало пусто.

- У тебя что? Ремонт? – спросил он.

Кроме комода из темного полированного дерева и сложенной раскладушки, в комнате ничего не было.

– Ремонт, – ответила Дина. – Уже третий год. Не стой, садись!

Гера посмотрел по сторонам, выбирая угол уютнее. Потом опустился на ковролин там, где стоял. Ворс был мягким и теплым, как шкура какого-то мохнатого зверя. Он погладил его рукой, и ему захотелось лечь навзничь посреди комнаты, широко раскинув руки и ноги.

– А вообще-то очень даже неплохо, – признался он, глядя на пустые стены, оклеенные однотонными бежевыми обоями. – И дышится у тебя легко.

Дина, скинув туфли, подошла к комоду и, выдвинув ящик, достала сложенную вчетверо красную скатерть.

– Расстели, – сказала она. – Я сейчас чай принесу.

– А я не хочу чая, – честно сказал Гера.

– Как хочешь...

Она открыла балконную дверь и вышла. Кажется, она немного комплексовала из-за своей комнаты. И напрасно. В конце концов, Гере до ее комнаты и до мачехи не было никакого дела.

Он тоже вышел на балкон. Совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, раскачивалась ветка березы. От нее пахло силосом. Из-за соседнего дома, утыканного антеннами, прилетели грозовые раскаты. Порыв ветра прошелся по листве.

– Сейчас пойдет дождь, – сказала Дина. – Дай посмотреть визитку Назаровой.

Гера вынул из кармана синий картонный квадратик и протянул Дине. Она повернулась к нему спиной и облокотилась на перила. Внизу, в палисаднике, неистово закричали коты. Кто-то этажом выше вылил вниз ведро воды. Народ страдал от духоты. Из раскрытых окон неслись звуки посуды, позывные «Маяка», голоса дикторов, музыка, крики и стрельба кинематографа.

Гера дышал Дине в затылок. Девушка замерла. Слабый запах цветочных духов пьянил. Ему казалось, что она чувствует то же, что и он, и думала о нем. Все вокруг затихло. Береза в свете уличного фонаря казалась стеклянной. Гера медленно поднял руки и опустил ладони на плечи Дине. Девушка вздрогнула, и он услышал, как щелкнул в ее руках диктофон.

– «...очень удобная вещица для факелов и костров. Горит долго и с высокой температурой. Я облил его бензином и кинул тлеющую сигарету. Дело происходило на складе...»

Дина повернулась. Его руки повисли в пустоте.

– Кто ты? – спросила она шепотом, глядя ему в глаза так, что у него мурашки побежали по спине. – Откуда ты знаешь, что было написано на его майке? Ведь она... сгорела.

* * *

За спиной с грохотом распахнулась дверь. Стук был столь сильным, что Гера поначалу решил, что на кухне взорвался газ и комнатную дверь вышибло взрывной волной. Вслед за этим из-за стены долетел пронзительный визг:

– Сколько раз просила не устраивать сквозняков! Штукатурка на голову падает!

Дина оттолкнула Геру и зашла в комнату.

– Что тебе надо? – спросила она.

Гера отодвинул занавеску. Посреди комнаты в одних трусах стоял худощавый парень с широким, словно растянутым многолетним пением, ртом и чесал грудь. В зубах он держал сигарету.

– Ничего не надо, – ответил парень. – Проведать зашел. Что делаешь?

– Иди к себе, – попросила Дина.

– Не гони, мать, – ответил парень, расхаживая по комнате и оставляя за собой дымный шлейф. – Твоя комната для меня как политическое убежище.

Дина стояла перед ним, скрестив на груди руки.

– Хочешь, выпить принесу? Ты тут одна, наверное, со скуки пухнешь...

– Я устала, Влас. Иди к себе, прошу.

– Да я, собственно, у себя... Не! Все! Снимаю! Не обижайся! Твоя, твоя это комната!

Парень сел на ковролин и уставился на ноги девушки.

– Я тебе что хочу сказать, Дин. Ты классная девчонка... Мы вроде с тобой родные люди, но в то же время можем... ну, как нормальные... Понимаешь, да? Я за тобой уже год подглядываю, как ты в ванне моешься. В сортире, через воздуховод... Надоело мне это однообразие. На фига все усложнять? Давай нормально вопрос решим...

– Влас, уходи, – сквозь зубы процедила Дина.

– Не пойду. Давай по-хорошему договоримся!

Гера отдернул занавеску и вошел в комнату.

– Выйди, пожалуйста, – попросил он.

– Оба-на! – воскликнул парень, увидев его, и театрально запричитал: – Все! Конец жизни! В собственном доме уже покоя нет. Защитники появились! Куда там нам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.